

МАРГАРИТА АНУСИМКОВА

54(2)00 Р. 31) 6
А 67

ДНЕВ ТАЙГИ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

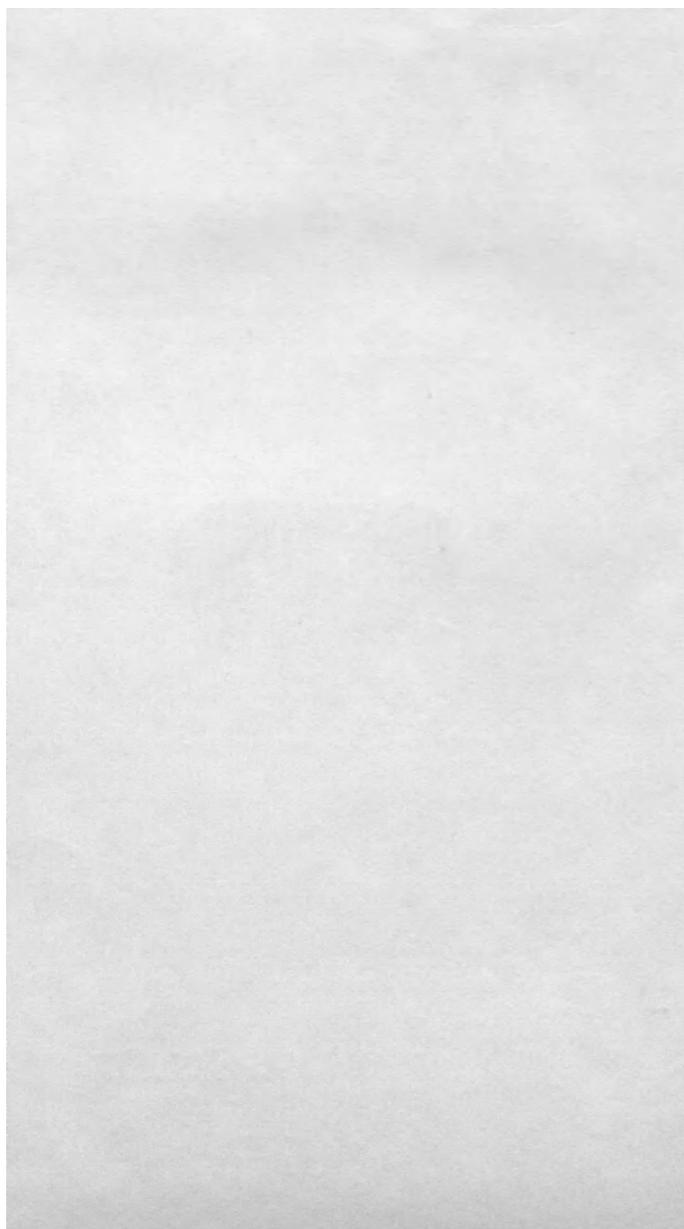
**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач. _____

BIS NIZHNEVARTOVSK

•0841811060•

07/2100-1800
А 67

МАРГАРИТА
АНИСИМКОВА

ГНЕВ ТАЙГИ

Мансийские сказы

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв. № 85300/3-3-КО

Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999

ББК 83.3

А 64

А 64 АНИСИМКОВА Маргарита Кузьминична
Гнев тайги: Мансийские сказы. — Тю-
мень: Издательство Ю. Мандрики, 1999.
— 144 с. + вкл. 8 с.

- © Анисимкова М.К., 1999.
- © Кухтерин А.С. (иллюстрации), 1999.
- © Силаш А.Н. (фото), 1999.
- © Нижневартовский межрайонный комитет
по охране окружающей среды (издание), 1999.
- © Издательство Ю. Мандрики (оформление), 1999.

ISBN 5-93020-022-X

К читателю!

Творчество писательницы Маргариты Анисимковой многогранно. Как отмечают критики, все написанное ею согрето душевной любовью. Цикл сказов по мотивам жителей Обского Севера не исключение.

Поступки «братьев наших меньших» наделены присущими им характерными чертами, находятся в гармонии с окружающим миром. Сказочные персонажи по-своему красивы, добры и разумны. Ненавязчиво, на первый взгляд, с наивной простотой, как всякая сказка, автор заставляет читателей задуматься и ответить на многие вопросы.

За непослушание и озорство мальчик Самбиндал (сказ «Огонь-

камень»), нечаянно пустивший по тайге огонь, превращается в камень. Образ старика Тасмана в сказе «Гнев тайги» опровергает утверждение невежд: «Тайга богата. Всем хватит» — люди испытывают страх к такому отношению к природе.

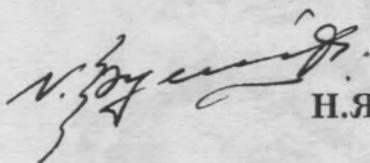
Яркой нитью прослеживается любовь писательницы к природе необъятного сибирского края. Много тепла в сказках «Спасибо тебе, сали», «Сенькин пай», «Трусливое сердце», «Еганское огнище» и других.

Написанные более сорока лет назад сказы вызывают живой интерес и сегодня. Недаром мудрый писатель современности Виктор Петрович Астафьев, прочитав их, написал автору: «...Сказы ваши чудесны! Прочитал я, прочитают и внуки, как подрастут!».

Читайте добрые сказы о природе нашей землячки, члена Союза

писателей России, почетного гражданина г. Нижневартовска Маргариты Анисимковой! Они не оставят никого равнодушным!

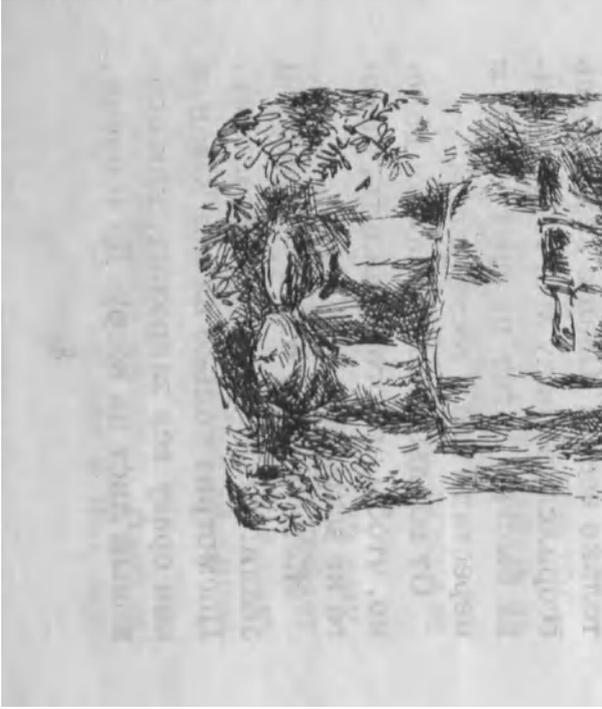
Заслуженный эколог
Российской Федерации

Н.Я. Крупинин.

От всей души
благодарю
академика
Н.Я. КРУПИНИНА
за помощь
в издании книги.

Автор

Трусливое сердце

Трусливое сердце

Силы у Ювана хоть отбавляй, и зла столько же. Плохо, когда не знает человек, куда силу девать. Потому и не любили его, на праздники никто не приглашал. А он от этого еще злее был. В молодые-то годы, правда, приглашали, да только всегда Юван с кем-нибудь ссорился, в драку лез. Худая молва быстро летит по свету. Вот и перестали его в гости звать.

От обиды такой уехал он далеко, чтобы никого не видеть, никого не встречать.

Жена у него была — Огафьей звали: тихая-тихая, молчаливая. Посмотрит только на нее Юван, а она сразу вся задрожит, как осинный лист на ветру. Да и олени,

и собаки его боялись: каждый на своих боках испытывал его пинки и удары. А если узнавал Юван, что у кого-то праздник, ехал тогда он за далекие версты, брал огненной воды и приезжал домой чуть жив. Все в юрте и вокруг стихнут, кажется, перестают дышать: Огафья, олени, собаки.

Даже деревья, кажется Огафье, не машут своими ветками, а притихли и слушают, как бушует Юван.

Обидит он Огафью и как только уснет, наденет она лыжи да убежит в тайгу к оленям.

Они ласкаются к ней, лижут ее руки, жалеют ее.

Проснется Юван, скучно ему, что никто не слушает его, пойдет найдет Огафью, растолкает оленей, привезет ее домой да снова побьет.

Плохо живет Огафья. А куда пойдешь? Родных нет у нее, все

боятся Ювана. Вот и жила она, слушала ругань да терпела побои. А куда денешься?

Раз ушел Юван на охоту, долго его не было. Огафья взяла чуман да пошла в лес к зверям. Пойду, думает, попрошу у зверей воды, которую они пьют, может, напившись ее, Юван добрее будет. Долго встречи ждать не пришлось. Видит, лиса хвостом виляет, ушки наострила, обхитрить кого-то хочет. Увидела Огафью — поклонилась низко.

— Лисонька, — говорит Огафья, — дай мне воды твоей, которую пьешь. Может, сердце лучше будет у моего Ювана.

— Не жаль, Огафьюшка, да только хитрить он перед тобою будет.

— Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Может, зло зато пройдет у него.

— На! — И лиса налила ей воды.

Идет дальше Огафья. Смотрит, соболь с дерева на дерево прыгает. Увидел Огафью.

— Зачем пожаловала? — спрашивает.

— Да хочу воды у тебя попросить, которую ты пьешь. Может, Юван добрее будет.

— Стоило идти! Принес бы сам. Да ведь попробует он моей воды, все время будет в работе.

— Вот и хорошо, — говорит Огафья, — работа не портит человека.

Дал ей соболь своей воды.

Идти дальше стало труднее, бурелом кругом, лес все гуще. Слышит Огафья — треск пошел по лесу.

Подходит — медведь! С корнем дерева вырывает — берлогу строит. Увидел Огафью — остановился.

— Какими судьбами?

— Да вот пришла к тебе воды просить. Ювана своего хочу напоить, может, зло у него и пройдет.

— Да, зол он у тебя. Только ведь моя вода сделает его еще сильнее.

— А разве не нужна ему сила?
— говорит Огафья.

— Да ведь кому как? Кто гордится ею, а кто озорует. На, бери, для тебя мне не жалко!

И медведь налил Огафье в чуман своей воды. Долго шла по лесу Огафья, пока встретила лосиху. Мычит лосиха, бегаёт беспокойно, плачет.

— Горе у тебя какое-то? — спрашивает Огафья.

— Ох, горе! Горе! Лосенка потеряла. А ты что здесь делаешь?

— Да не вовремя, видно, я пришла. Хотела воды попросить для Ювана. Может, не такой злой будет.

— Не жалко, Огафьюшка, да сердце очень мягкое у него будет. Жалости много будет. Добрый станет. А разве мужику таким надо быть?

— Да этого у Ювана и в помине нет! — наверное, впервые за всю

свою жизнь улыбнулась Огафья. — Без добра плохо жить человеку. Только куда ты мне ее нальешь? Чуман у меня один. Тут и лисья вода, и соболья, и медвежья.

Думала, думала Огафья, да так все вместе и слила в один чуман. Поблагодарила она лосиху и отправилась домой.

Только стала подходить к юрте, видит — белки в разные стороны по деревьям несутся, соболь мечется.

Догадалась Огафья — Юван идет. Села за куст и сидит, ждет, что будет. Как и прежде, закричал Юван на Огафью, а она прижалась и сидит ни жива ни мертва.

Покричал, покричал он и ушел. Видно, устал очень. Спать лег. Вошла Огафья тихо в юрту. Поставила чуман со звериной водой, и не успела она опомниться, как проснулся Юван, да как крикнет, и не стало вдруг Огафьи, а зайчиха большая сидит под столом и

дрожит вся. Глазам своим не верит Юван: Огафья тут стояла, и нет ее. Куда делась? Схватил он сгоряча чуман с водой и выпил всю. И тише вдруг стал.

— Огафьюшка, — крикнул. — Иди сюда, Огафьюшка! — А Огафьи нигде нет. Сидит только под столом зайчиха да лапками слезы вытирает. Взял ее на руки Юван, начал гладить. Догадался он, что Огафья это от страха в зайчиху превратилась. И всего боится зайчиха: шороху в лесу, крика зверей, лая собак.

Трудно одному стало жить Ювану, да что поделаешь? Сам виноват. Собак стал сам кормить, оленей пасти. Помогла ему звериная вода.

Только с тех пор манси никогда не бьют зайцев: не хотят, чтобы у них было трусливое сердце.

Тайга принимает только отважных.

Спасибо тебе, сапи!

Спасибо тебе, сали!

Есть у манси на Северном Урале любимое озеро, и зовется оно Ватка-Тур. Недалеко от этого озера жил в одинокой юрте охотник со своей семьей. Звали его Ватойка. Был он трудолюбив. Целыми днями ходил по тайге, охотился: Знал повадки каждого зверя, умел выслеживать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, умел изловить сохатого. Только оленей никогда не ловил. Жалел их старик, всегда любовался ими.

Однажды пошел он на озеро проверить поставленные на рыбу сети. Дело летом было. Время уже к вечеру клонило. Свернул он с тропки и направился к озеру. А у

озера-то место топкое, зыбкое. Идет Ват-ойка, с кочки на кочку перепрыгивает, а ноги прямо по колону в мох проваливаются. Морошки кругом страсть как много! Тут же и голубика, и клюква растут. Такая красота кругом, тишина. Только мошкара жужжит, но Ват-ойка привык, не замечает ее. Вдруг увидел Ват-ойка, что мох во многих местах прямо с корнем выдран. Присмотрелся хорошенько и увидел по следам, что олень тут прошел.

Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плещется да утка вспорхнет. Отдохнул Ват-ойка, за дело рыбацкое хотел приниматься, как вдруг замер: недалеко от него стоял красивый олень. «Сали» — мелькнуло в голове у Ват-ойки, и весло из рук выпало. Встрепенулся олень, замер на миг, потом гордо поднял голову с сереньким пятнышком на лбу и убе-

жал прочь. Посмотрел вслед ему и принялся сети вытаскивать.

По дороге домой Ват-ойка только и думал об олене.

Прошло лето, пришла и ушла осень, наступила зима. А зима на Урале суровая да снежная. Трудно с семьей было жить. Юрта совсем худая стала. И в охоте удачи нет. «Или зверь далеко ушел, или сам я плохо охотиться стал», — огорчился Ват-ойка.

Пошел он снова в лес. Идет день, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. Мороз дает о себе знать, вся одежда заиндевила, усталость и дремота так и валят с ног.

Вышел из леса к болоту. Тут буран сильный поднялся. И видит Ват-ойка: на краю болота стадо оленей пасется. Обрадовался, Ват-ойка. А олени копытами наст разгребают, из-под снега зеленый мох-ягель себе добывают. А среди них

тот, с сереньким пятнышком на лбу, которого он на озере видел. Стал Ват-ойка потихоньку подползать к оленям. Совсем близко подполз. Быть бы ему с добычей, да дрогнуло сердце, жалко стало убивать. Тут учуяли олени, что человек близко, и, когда он вышел из-за лесины, они уже умчались. Обесилел манси. Хотел повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идет большой и сильный олень. Попятился Ват-ойка, спрятался за лесину. А олень остановился около него и сказал ему голосом человеческим:

— Здравствуй, охотник!

Испугался Ват-ойка, на колени опустился. А олень продолжает:

— Давно тебя знаю, вижу, как ты трудишься, бродишь по тайге, а удачи нет тебе.

Ват-ойка в ответ:

— Спасибо, гордый сали, что добрым словом согрел меня.

А олень говорит:

— Будь завтра снова на этом месте, — и, подняв высоко голову, убежал.

Много передумал за ночь Ват-ойка. Не верилось, что олень с ним разговаривал.

Только показался первый луч солнца, Ват-ойка опять пошел на болото. Красавец олень уже ждет его.

— Буду я другом твоим и помощником, служить тебе буду. Садись на меня.

Быстро мчался олень по тайге.

Сколько было удивления и радости, когда вернулся Ват-ойка домой!

Легче стало жить Ват-ойке. Освободил олень его от самых трудных работ. Все привыкли к доброму сали.

Задумал охотник отблагодарить его за доброту, за то, что он облегчил тяжелую долю манси. Думал

он, думал и решил смастерить такие рога, каких ни у кого нет. Долгие вечера они сидели всей семьей и вытачивали, отделявали каждую веточку. И вот готовы рога: крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, а тайга наполнилась криком птиц и зверей, вышел однажды Ват-ойка из юрты, запряг оленя и посадил всю свою семью на нарты.

— Поехали! — крикнул Ват-ойка, и они помчались по бескрайним дорогам родной тайги.

Вот и Ватка-Тур! В эту пору озеро было особенно красиво. Утки прилетали стая за стаей. Соскучившись по родным местам, они с шумом и свистом плескались в воде. Ват-ойка освободил оленя из упряжки и вывел к тому месту, где впервые увидел его. В это время старший сын Ват-ойки принес приготовленные для оленя рога.

— Вот тебе, дорогой сали! — сказал Ват-ойка. Олень горделиво качнул головой в новом убранстве. Прошелся, красуясь, по берегу озера, копнул острым рогом землю.

— Спасибо тебе, сали, за помощь, — сказал охотник. — Иди на свободу.

— И тебе спасибо, человек. С такими рогами мне и волк не страшен, — ответил олень и, взмахнув на прощание красивыми рогами, скрылся в лесу.

Говорят, что с той давней поры все олени носят рога и дружат с человеком.

Пяташное озеро

Пяташное озеро

У жадного человека брюхо сыто, а глаза голодные. Так и у шамановой жены Мейты: даров охотники ей приносили, рыбы возили, дичи и боровой, и озерной стреляли, а она все ворчала, все исподлобья смотрела. Ее, называют, и сам шаман боялся.

Да вдруг не стало шамановой жены. Потерялась. Прибежал к юрте один олень из ее упряжки, а остальных не дождались.

Поискал шаман жену, искал, да скоро и забыл: спокойнее без нее стало.

А с ней беда приключилась.

Вечером запрягла она самых сильных оленей и поехала дары собирать. Ездила из юрты в юрту

всю ночь, а к утру повернула упряжку в сторону своего жилья. Только не хотелось ей ехать по старому следу, и надумала она пересечь озеро напрямик. Олени, закинув головы, неслись во весь мах. Но вдруг раздался грохот, лед треснул, и не успела Мейта опомниться, как перед ней показалась огромная полынья, и упряжка, кроме жожака, вместе с нартой ухнула под лед.

Мейта оказалась в воде. Она почувствовала, что ноги ее не касаются дна, что-то движется под ними и несет ее дальше от полыньи. Над головой — толстый слой льда, и множество рыб плывет за нею.

Вдруг все остановилось, живая опора под ногами потерялась — и Мейта повалилась вниз. От страха она зажмурила глаза, а когда осмелилась открыть их, увидела такое множество рыб, что через

живую стену не видно было воды и льда. «Какое богатое озеро! Мне бы все это!» — подумала Мейта.

— Не горюй, будет у тебя рыба, — услышала она.

Обернулась, а перед ней, разевая огромную пасть, еле поворачивалась незнакомая, невиданная в этих местах рыбина. Ее чешую покрывал мох, огромные плавники чуть шевелились, от каждого движения дрожала вода. На голове — из озерных ракушек корона.

Увидев ее, рыбы прижали плавники, замерли. Она посмотрела вокруг выпуклыми глазами, плеснула хвостом — и не стало вокруг рыб. Только один маленький карасик с перепугу не успел уплыть, запутался в водорослях и притих.

— Долго я ждала тебя, — широко разевая рот, говорила огромная рыба. — Долго, ох, как долго. Мхом вся обросла, а ты все не шла, ай-ай!

— Что ты хочешь, старая рыба, со мной сделать? — чуть слышно спросила Мейта.

— Мейта злая и жадная была, Мейта много добра хотела, вот и бери всю рыбу.

— Не надо мне рыбы! — сквозь слезы проговорила испуганная шаманша.

— Поздно теперь! Жить будешь до тех пор, пока шаман не бросит тебе в озеро свой дар. А бросить он должен медный кружок — пятак называется. Если найдешь пятак в озере, быть тебе счастливой. Живи смиренно и тихо, — наказывала старая рыбина. — Полюбят тебя рыбы — помогут медный кружок найти.

Не успела Мейта опомниться, как рыба набросила ей на голову корону, и шаманша тут же превратилась в полосатую большую щуку, а говорящей рыбы не стало. И жадная Мейта-щука поплы-

ла по озеру. Вся мелкая рыбешка торопилась ей навстречу. Но Мейта-щука схватила первую рыбку проглотила ее и поплыла дальше.

Худая слава наперед летит, и чем дальше плыла Мейта-щука, тем меньше около нее было рыбы — все стали прятаться кто куда.

Рассердилась Мейта, стала хватать всех подряд: и большую рыбину, и малую, и карася, и окуня, и чебака даже.

— Какая прозорливая щука! — шептали рыбы, а больше других возмущался маленький карась.

А щука каждый день, наевшись досыта, нагонявшись за рыбами, била всех хвостом и плавниками. Не стало покоя в озере. Собирались рыбы косяками и жаловались на свою судьбу. «Как избавиться от жадной Мейты?» — думали все. И как-то поутру, когда солнце проело лед у берегов, собрались около полой воды рыбы, и карась расска-

зал всем, как подслушал разговор старой рыбины с жадной Мейтой. Обрадовались рыбы. И целыми днями не отплывали от берега.

Ждали.

По всегдашнему лесному обычаю каждую весну собираются манси к озерам и одаривают их, одаривают реки, одаривают леса и поляны — за рыбу в воде, за зверя в лесу, за ягоды и мхи. И вот все рыбы в озере стали ждать заветный кружок, но его не было.

И так шел год за годом. Стало озеро беднеть. Смотрит щука, как мужики пустые мережи вытаскивают, и радуется. Недаром говорят: худая погода пройдет, а злоба жадного человека никогда. А скоро и совсем опустело озеро. Остались только караси, которые в илистое дно прятаться могли от щуки.

Голодно и скучно Мейте-щуке стало.

Вспомнила она тогда про наказ старой рыбины и стала звать к себе всех рыб. Да кого позовешь? Карасей одних? Они ее не очень-то и боятся. Спрятавшись в иле, на глаза ей не попадают, червячков поедают.

А время шло.

Стала Мейта-щука мхом обрывать, неповоротлива стала — видно, старость пришла. И стала тогда щука карасей просить:

— Никого трогать не буду, даже плавником не задену.

Стоят перед ней притихшие караси, дрожат от страха. Тогда маленький карасик выскочил вперед и запищал отчаянно:

— Зачем теперь отдавать пятак? Не надо жадной щуке давать его. Пусть век живет в бедном озере. Сама озеро бедным сделала.

А сам скорее — шмыг за большой щучий хвост.

Совсем обеднело озеро.

— Кто разгневал озеро? Куда девалась рыба? — удивлялись люди.

Делать нечего.

Пришли они к шаману просить, чтобы он одарил озеро. Большие куски мяса, сала, ягод и грибов принесли ему люди, а маленький карасик целый день от берега не отплывает, смотрит, как бы не прокараулить дар шамана.

И вдруг поздно вечером, когда тишина стояла над озером, увидел карась, как, переворачиваясь, летит ко дну круглый пятак. Кинулся он, проглотил блестящий кружочек и снова зарылся в ил. Нашелся кто-то в озере и сказал щуке о добыче карася. Рассердилась щука, крупные чешуйки посыпались с ее большого полосатого тела.

— Найти его! Найти его! — кричала она.

А маленький карась зарылся еще глубже в ил и лежит. Долго

искали его, да так и не нашли. Сказывают, что маленький карась и теперь живет в озере, и никакой рыбы, кроме карасей, в нем нет. Караси маленькие, кругленькие, и озеро с тех пор, наверное, зовут кто Круглое, а кто Пяташное. А кто, говорят, поймает этого карася, тот вернет озеру былую славу богатого озера. Еще, сказывают, видят иногда в озере щуку огромную, поросшую мхом, только при виде ее уплывают рыбацкие лодки подальше. Так, видно, и осталась в озере злая Мейтащука.

Верно ли это все, — не знаю, только так люди говорят, а зря говорить не станут.

Э. М. АНГЕРСКОЕ

Куда летала гагара

Куда летала гагара

Дни считала гагара, чтобы лететь в родную северную сторону. Только скоротает ночь, от радости защелкает клювом, перышки на шее переберет, пересчитает и закроет глаза. А перед ними сразу поплывет тундра мшистая да ягодная, берега тальниковые да кочки с высокой травой, а вокруг все гнезда гагарьи, пухом выстланные.

Торопила дни гагара, торопила — и пришла пора! Понесла весна тепло в северный край, а вместе с ним и все птицы заторопились.

Летят, радуются, на родную землю насмотреться не могут, криком своим привет ей шлют. Гагара еще издали узнала свой остров: загоготала, захлопала крыльями,

облетела его много раз и уселась на кочку. Сидит, отдышаться не может, крылья распустила до самой земли. Сама не верит, что дальняя дорога позади осталась.

День прошел, другой. Осмотрела гагара на острове каждый кустик, видит—никого рядом нет. Летят птицы мимо гагарьего острова, шумят крыльями. Устанет какая, сядет у бережка, а гагара тут как тут. Ползком приползет, сядет чуть поодаль, подождет лапки, вытянет шею и важно проговорит:

— Разве ты не знаешь, птица, что это наш остров? Гагарий? Что это мы, гагары, на дно ныряли и в клювах своих землю вытаскивали? Вот и стала вокруг земля! Оттого и вам теперь привольно живется!

Прокричит птица, откланяется гагаре и улетит. Простору много в северном крае!

Так на гагарьем острове никто и не селился, не смел своих гнездить.

Довольна гагара. Вывела она своих птенцов, научила их нырять, плавать и стала учить летать, крылья пробовать, силу в них копить.

Плавает гагара по озерным волнам, любит птенцами и слышит над головой свист. Видит: пара чирков летит. Покружили птицы вокруг гагарьего острова и сели в траву. Прокричала гагара, а чирки сидят, и не поднимаются на крыло. Стала гоготать гагара, а чирки все сидят, будто и не слышат. Поплыла гагара к тому месту, где птицы сели.

— Или вы не знаете, чей это остров? — важно говорит она, подплывая. — Или забыли, кто землю со дна морского достал?

— Все мы помним, гагара, — ответил чирок с почерневшим

крылом. — Только вот чируха моя дальше лететь не может, силы в дороге потеряла, да и заблудились мы. Видишь, как поздно летим? Еле-еле до твоего острова долетели. По всей реке шум стоит, на берегах костры горят, в лесу сосны железные выросли! — И чирок замахал крыльями, посмотрел под кочку болотную, а чируха там уже яйцо снесла.

— Совсем стали забывать птицы, кто эту землю со дна морского доставал! — не унималась гагара.

— Ох! — вздохнул чирок. — А вот нам по дороге острохвостка сказала, что не вы, гагары, эту землю сделали!

Вздогнула гагара, закоткала, будто ягодой подавилась, а чирок свое:

— Острохвостка сказала, что ваша земля холодная и мокрая, а вот дальше твоей земли огонь живет! Тепло живет! Просто у вас, гагар, клювы

короткие, вот вы и не нашли тепло, а оно далеко спрятано!

Почернела гагара, слова сказать не смогла, от обидных слов чирка у нее даже крылья силу потеряли.

— Какая это еще острохвостка тебе сказала? На чьей земле все птичье царство живет? — закричала гагара.

— Не знаю! — виновато ответил чирок. — Но правду сказала острохвостка, что не достали ваши клювы тепла, а оно есть! Я сам его видел! Даже крылышко опалил. Видишь, какое сизое оно у меня стало? Это оттого, что около огня близко летел.

— Врешь ты, ленивый чирок! — закричала гагара. — Не хотел лететь дальше, вот и выдумал про земное тепло. Где ему тут взяться? Смотри: кругом вода и вода! Да и кому надо это тепло?

— И тебе надо! — сказал чирок.
— Если бы было здесь тепло, за-

чем тебе летать в чужую сторону?
Разве стала бы ты крылья ломать
в дороге? Жила бы всегда дома.

Ничего ему не сказала гагара,
закричала жалобно и поднялась.
Облетела несколько раз свой ост-
ров и полетела...

— Куда ты полетела, гагара? —
закричал ей вслед чирок.

А она летит, шею вытянула, кры-
льями воздух режет, торопится.

Летит гагара через тундру и
видит: стада оленей пасутся. Хо-
дят олени по болоту, ягель едят,
оленят бодаться учат. Увидели в
небе гагару, закинули на спины
рогатые головы, мычат:

— Куда полетела, гагара? Или
уже холода почуяла?

Села гагара на рога семигодо-
вального быка и спросила:

— Кто-нибудь из вас про зем-
ное тепло слышал?

Замолчали олени, наклонили
головы, мох есть перестали.

— Видел олененок земное тепло! — сказал гагаре старый олень.

— И сосны железные видел.

— Зачем оно вам, это земное тепло? — сердито спросила гагара. — Разве плохо вам живется на моей земле?

— На какой — твоей? — спросил олень.

— А разве вы не знаете, что эту землю мы, гагары, со дна морского своими клювами достали?

Опять замолчали олени.

— Хорошо будет, если сюда земное тепло придет! — бегая по кочкам, кричал олененок. — Круглый год грибы будут, круглый год.

Не стала слушать его гагара, взмахнула крыльями, полетела. «Ты куда?» — замычали олени ей вслед, но она и не слушала их. Летела гагара, летела, до тайги долетела. Видит: зверье все в работе: медведь берлогу строит, вырывает яму, только земля в разные

стороны летит. Белка грибы сушит, шишки в дупло таскает, запасы на зиму готовит. Соболь дупло мастерит.

Увидели гагару, закричали все в один голос:

— Куда ты полетела, гагара? Неужели так быстро холода пришли?

Расправила крылья гагара, уселась на кочку и спрашивает:

— Кто-нибудь из вас слышал про земное тепло?

— Нынче зима теплой будет? Можно и берлогу не строить? — спросил гагару тугоухий медведь и бросил в сторону пень.

— Может, и грибы снегом не заметет? — радостно пропищала белка.

— Бестолковые звери! — рассердилась гагара и полетела дальше. Летела, летела, устала. Вылетела на речной простор и села на берег, чистит клювом перья. Услышала, как

рыба по воде хвостом хлестнула. Нырнула гагара в воду и поплыла. Смотрит: в тихой заводии собрались рыбы. Хвостами шевелят, плавниками играют, а сами на одном месте собрались и слушают сырка серебристого. Он говорит торопливо, из маленького рта пузырьки летят:

— Если земное тепло будет нашу речку греть...

Не дослушала его разговор гагара, вынырнула из воды и полетела дальше.

— Что это они как сговорились: только про тепло земное и ведут разговор? Может, мне человека спросить? Он лучше всех знает.

И полетела гагара к жилью человека.

Летит, а на пути все гремит и шумит. Увидели ее маленькие ребята и закричали:

— Гагара, гагара летит! Говорят, что это они, гагары, всю северную землю со дна морского сво-

ими клювами достали. Хорошая птица гагара!

Стала она кружить над головами ребят да скоро и села на поленницу, чуть поодаль от домов.

— Устала, птица? — ласково спросил ее мальчик и стал поправлять ей перышки. — Ты совсем не в ту сторону летишь! — сказал он. — Наверное, дорогу потеряла?

— А это правда, что под моей землей люди тепло нашли? — спросила гагара.

Удивился мальчик, что гагара человеческим голосом говорит, но не испугался, ответил:

— Правду, правду говорят! Видишь, как люди все радуются!

Вздохнула гагара и сказала:

— И кто только это тепло не любит? — и полетела. Долго летела. Мимо леса и мимо болот, мимо озер и вдоль рек и проток.

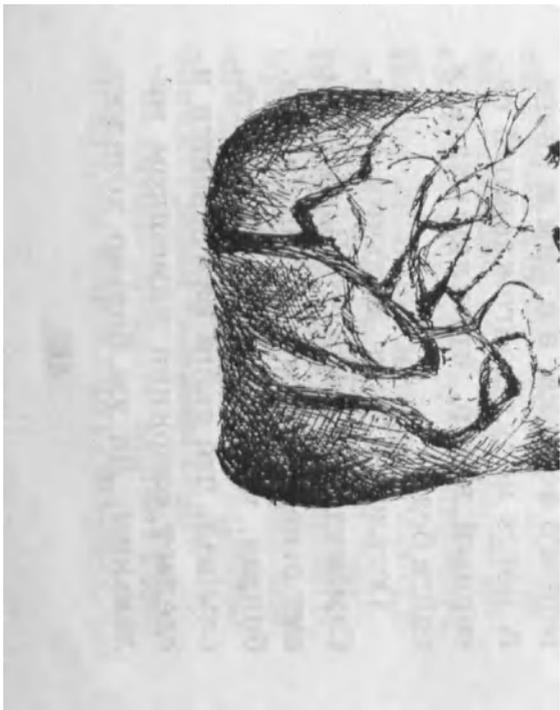
— Куда это ты летала, гагара? — спрашивали ее птицы.

— Летала — земное тепло смотрела! — всем отвечала она.

— А видела земное тепло?

— Видела, видела! И железные сосны видела! На самой вершине такой сосны отдыхала. Пламя видела, как оно из земли вырывается и в ночи гаснет. Около него ходила, ягоды ела. И трубу, по которой земное тепло идет, тоже видела. Даже лапы на ней погрела!

И полетела гагара на свой гагарий остров, радостную весть своим птенцам рассказывать.

Огонь-камень

Огонь-камень

Было как-то раз, что снег долго не падал. Заждались все. На зверях шкурки поспели, охотники уже наготове, истосковались за лето по охоте, а снега все нет. Сушь стоит в тайге. Бывают у нас такие осени, только очень редко. Все насторожилось в ожидании северного ветерка, а с ним и снега. А когда подул долгожданный северный ветер, приключилась в тайге беда.

Остался в юрте мальчик один. Самбиндалом звали его. Захотелось ему огнем поиграть. Слышал Самбиндал, что нельзя огнем играть, слышал, что тайга разгневается и сделает озорника камешком маленьким. Да уж больно хотелось

Самбиндалу посмотреть, как огонь будет играть с деревом. Достал Самбиндал огонь и бросил на шкуру оленью. Затрещали, вспыхнули ворсинки. Встал Самбиндал на шкуру ногой — нет огня. Вышел Самбиндал из юрты, бросил огонь на траву — нет огня. Собрал он в кучу сухие листья и бросил на них огонь. Огонь быстро побежал по листьям, от листочка к листочку. Самбиндал как падет всем телом на огонь, огонь и потух. Вскочил Самбиндал. Весь в саже, а весело, смешно ему. «Боятся меня огонь! — думает Самбиндал. — Ладно, — думает он, — посмотрю еще, как огонь играет». Поднес он огонь к сухому листку на дереве, а тот будто того и ждал. Побежал по веточке, вмиг перемахнул на другое дерево, опалил там каждый листок и на третьем. Самбиндал глазам своим не верит.

— Огонь! Огонь! — кричит Самбиндал. — Иди в юрту, огонь!

А огонь будто дразнит его, кружит вокруг, машет красными языками. И что только не делал Самбиндал: кричал, прыгал, бил ветками, хотел схватить огонь, — да нет.

Вдруг все окуталось густым черным дымом. Загорелся лес, а в каждой юрте погас чувал.

Самбиндал бросился догонять огонь.

Ветер легко перебрасывает искры с одного дерева на другое. Могучие деревья, охваченные пламенем, рушатся. Зверь опрометью несется, не зная куда.

Измученный Самбиндал уже много дней бежал за огнем, пытается поймать его. И вот он выбежал к реке. Что тут было! Все звери жались к реке, лезли в воду. Птицы с криком летали, касаясь легкими крыльями горячей воды. Общее горе сблизило всех. Зайчик прижался к лисе, старая волчиха держала в лапах испугавшегося

соболя, росомаха прятала от пламени белочку, а медведь просил лося выйти из воды и освободить место уткам.

И тут все увидели Самбиндала.

Многие звери зарычали, оскалили зубы, готовые разорвать мальчика. Да в спор вмешался медведь:

— Надо, — говорит, — помочь парню огонь поймать. Он тоже измучился. Простить можно. Мал еще.

Медведь взялся сам помочь Самбиндалу. Забрался Самбиндал на медвежью спину, крепко ухватился за уши. Медведь в те времена быстро бегал, любого обогнать мог, это он потом лениться стал, потому что устал тогда очень.

Несет медведь Самбиндала во весь дух. Вот-вот схватит парень самый большой язык огня, спрячет его, да и все тут. Но не так-то легко это сделать. Рванулся огонь

и опять зашагал по верхушкам. Деревья обгорелые валились одно на другое. Опалил о них бока медведь, с тех пор он бурым стал.

Видит Самбиндал, устал медведь, слез с него. Похлопал по бокам да по шерсти обгорелой и отпустил. Огонь пляшет прямо над головой, то лизнет волосы Самбиндалу — они затрещат, вспыхнут, то к ногам совсем опустится. Заплакал опять Самбиндал — в юрту бы вернуться, да нельзя без огня.

Вдруг что-то холодное к руке прикоснулось. Оглянулся он и видит: соболь вертится у ног.

— Садись, — говорит, — побегим догонять огонь.

Сел Самбиндал на соболя. Метровыми прыжками летел соболь. Видит огонь, что догонит его Самбиндал. Вот он и завертелся во все стороны: и на дерево, и на кусты бросится, и на землю спустится, по траве побежит. А кругом горы

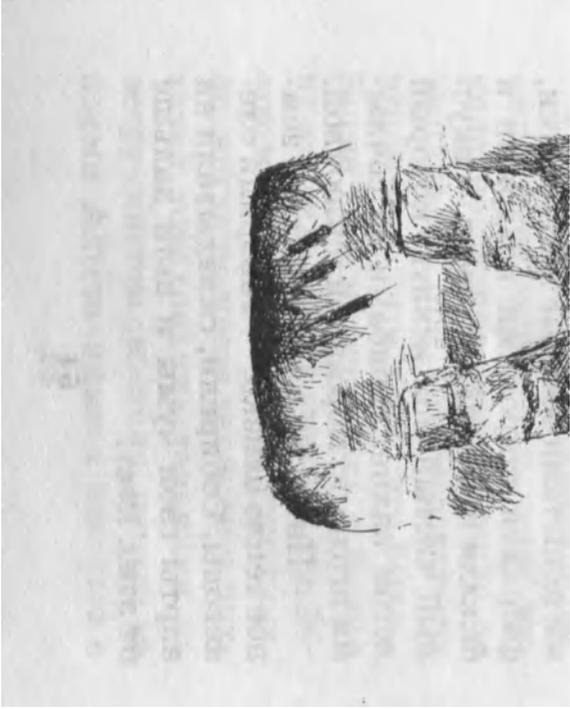
Уральские пошли. Боится огонь камня. Самбиндал руками бьет, сбивает пламя, не пускает его в тайгу. Гонит пламя в горы Самбиндал.

Кончился лес, кустарник пошел. Огонь налетел на кусты, коробит, чернит их, а Самбиндал уж тут. Совсем схватил, было, огонь. Ай! — огонь уже опять прыг, да и в гору.

Самбиндал только того и ждал. Мечется пламя-огонь по холодным скользким стенам горы, лижет скалы своими желтыми, синими языками, да камни-то от его злости только поблескивают. Тут уж Самбиндал не оплошал. Схватил огонь — и в тотал — ящик. Обрадовался, хотел домой бежать, да нет — ноги тяжелые стали, крикнуть хотел — да голос пропал. Стал чернеть Самбиндал и превратился в огонь-камень. И сразу же в каждой юрте зажегся чувал. А

огонь-камень тот расти и расти начал, да такой большой стал, что с его вершины весь Урал как на ладони виден. Этот камень, говорят, всю тайгу от огня бережет.

Жаль Самбиндала, да что сделаешь? Неслух был. Так теперь и говорят в тайге: «Огонь—друг, огонь—враг!» Все, кто огонь по земле пускать будет, все камнем станут, камнем маленьким, незаметным. Самбиндал — большой камень. Самбиндал огонь людям сумел вернуть.

Таня-богатырь

Танья-богатырь

Давно замечали пастухи-оленоводы болота, которые и в жгучие морозы не промерзали, дымом курились.

— Дурной дух из земли идет! Олень морду воротит в сторону — сокрушались пастухи.

А олени сердито били крепкими копытами богатые мхом кочки, фыркали широкими ноздрями и бежали прочь из этих мест — вкусный чистый мох искать, который летом пахнет, грибами да сочными ягодами, морошкой и клюквой.

— Побежал олень! Видно, земное тепло близко! — говорили оленеводы. Собирали, складывали на нарты свои чумы и шли дальше от этих мест.

Случалось и рыбакам на озерах видеть, как плавали на волнах большие черные жирные пятна.

— И сюда земное тепло из земли вылезло, — говорили они.

А охотники — те половчее: найдут где в низине между кочками воду жирную да пахучую — подожгут ее. Вспыхнет пламя, озарит округу и начнет слать тепло.

Хоть с опаской, а все тянулись к теплу: руки, ноги погреть у костра, чаю попить.

Сидят у огня, про всякие небывлицы лесные рассказывают; ну, конечно, и про земное тепло не умолчали, про Танью-богатыря вспомнили, что давно это было... Когда еще могучая Ась в берега не входила, когда вместо озер, болот море-океан на просторе гуляло, когда на месте великанов пихтачей тонехонькие тальники на ветру свистом свистели, напали на племя Алыча князя богатые с

войском сильным. Много дней подряд стрелы свистели в воздухе, валили без жалости стариков и детей малых. Храбро дрались воины племени Алыча, да не хватило сил. Одолели их враги. Крепким сном уснули его воины.

Сколько стонал от ран Алыч-воин, никто про него не знает, только разве птица-холей.

Но не хотелось умирать воину. Не хотелось отдавать свои угоды богатые врагам. Видит Алыч — холей летает, машет с утра до ночи крыльями, будто ищет кого.

А вокруг тишина стоит: вся округа смолкла, вымерла.

Вдруг в испуге как прокричит холей:

— Лах! Лах! Лах!

Вздрогнул Алыч, хотел поднять голову, а в глазах круги темные вертятся, а холей все кричит, будто зовет воина. Собрал силы Алыч, приподнял голову и видит: по дру-

гую сторону реки войско движется. Пал Алыч к земле, будто прильнул, и зовет шепотом:

— Холей! Холей!

Услышал острокрылый холей, крылья сложив, камнем свалился.

— Лети, холей, к Танье. Поначалу по могучей реке лети, ни в одну протоку не свертывай.

А как увидишь косу песчаную, а за ней протоку черемушную, тут и ищи его. Танью сюда пошли. У Таньи оленей нет. У Таньи пастбищ нет. У Таньи доброе сердце есть, — и закрыл глаза Алыч.

Тише комара взлетел холей, прижался к реке, крыльями воздух режет. Долго летел вдоль реки могучей, а как увидел косу песчаную, потом протоку черемушную — и давай кричать:

— Лах! Лах! Танья-богатырь! Лах-лах, Танья-богатырь!

Парит в воздухе, расправив крылья, слышит, как рыба в реке

играет, плавниками о воду бьет; слышит, как ветер с тальником разговор ведет. А Таню не видит. Дальше полетел холей, леса дремучие пошли, а он снова кричит:

— Лах-лах! Танья-богатырь! Лах-лах, где ты?

Снова к реке могучей полетел. Веселее по ней лететь холею. Вдруг грохот в стороне раздался. Вздрогнул холей, одно, потом другое перо с усталых крыльев в воду пали.

Видит холей — богатырь по колону в воде стоит. На нем рубаха красная, замысловатыми узорами расшитая, на голове тугие две косы, нитками разноцветными переплетенные, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками; нож большой охотничий, мешок кожаный со стрелами, лук огромный, через плечо перекинутый. Стоит богатырь, руками-веслами друг о дружку хлопает. А от этого вокруг грохот стоит страшнее небесного.

Догадался холей, кто это такой, и, закрыв глаза, к Танье полетел. Да не донесли крылья птицу, в полете измученную, пал холей поодаль на гриву песчаную, слышит плеск воды, да головы поднять, крылья расправить сил нет.

— Танья-богатырь! Танья-богатырь! — шепчет холей.

Подошел богатырь, поднял холея, расправил крылья да спрятал себе за пазуху.

Скоро тепло Таньи оживило холея.

— Зачем дорогу большую летел? Зачем Танью звал? — спросил богатырь.

— Воин Алыч послал Танью искать, а найду — сказать: пусть вперед ветра летит Танья, не то всю землю враги топтать будут.

Выпрямился Танья-богатырь. Плечи расправил да говорит холею:

— Обожди. Силы от родной земли-воды набраться надо.

Пошел к реке Танья, по колено встал и давай воду пить пригоршнями. Пил, пил, пока его нарки из воды не показались. Повернул круто Танья да к лесу направился. Схватил сосну под самый комель да на берег с корнем легонько вышвырнул. Подошел к кедр, потянул, да сам по колено в землю увяз, а кедр только ветками помахивает.

Снова вернулся Танья к реке, снова по колено в воду встал и пил, пока река наполовину меньше не стала. Полетели тогда к берегам кедры, пихтачи, лиственницы, а холей со страху спрятался в тальниках прибрежных да за Таньей поглядывал.

— Как не увидеть шерсти на оленьих копытах, так врагам земли нашей не видать! — громом прокричал Танья и пал на колени

лицом к солнышку, поклон низкий земле отца-матери послал, горсть земли поцеловал да в луган спрятал, прекинул лук и крикнул холею:

— Не отстань от меня, птица!

И замерял Танья землю шагами-верстами. На широких лугах трава к земле гнулась, молчаливая тайга расступилась, ветер крылья свои отдал Танье.

Раз один да еще один солнце спряталось за дремучий лес, а когда покатило в третий раз, услышал Танья знакомый крик птицы-холея. Остановился Танья. Видит: холей низко у земли летит. Прислушался Танья. Слышит стон кругом. «Неужто земля человеком стонет?» — подумал богатырь.

А стон все громче да громче, прямо за сердце ловит Танью.

Выбежал богатырь на берег да замер на миг. На берегах воины будто уснули, только черной ту-

чей над ними вороны кружат, орут. Поодаль в логу костры горят, а по могучей реке чужие колданки плавают. Притаился Танья, ночи скорой дождался да Алыча-воина искать стал. Долго ходил по берегу, через убитых братьев перешагивал. Да снова услышал холья стон. Побежал Танья на крик, тут Алыча и нашел.

Взглянул Алыч в чистые глаза Таньи, вздохнул полной грудью, и слеза теплая по щеке покати-лась. Взял богатырь ее в ладонь да к реке могучей отправился. Опустил в реку слезу воина, почернела река, расходилась, волны вздыбила, опрокинула, смыла с берегов колданки все. А Танья тем временем достал из лузана землю родную да всю на берег высыпал. Застонали, проснулись, поднялись воины храбрые, схватили луки свои и снова в бой по-шли. Прогремел Танья громким

голосом, затряслись деревья могучие, с перепугу птицы на разные голоса заорали, тучей в небо взлетели, солнце закрыли.

Взглянул вдаль Танья, тяжело вздохнул: не видать конца и края войску вражьему.

— Ничего, Танья-богатырь. Веди нас, — проговорил Алычвоин. — На родной земле и заяц силен.

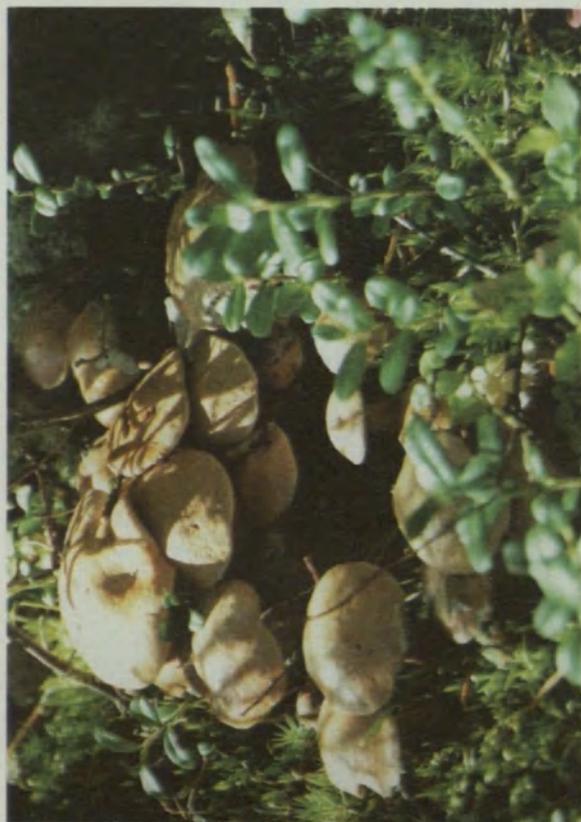
И пошел Танья на смертный бой. Стрелы тучей в Таню летели, а он словно от комариного роя отмахивался. Развернет плечи Танья, только кости хрустят, и летят тогда враги в разные стороны. Кто в реку летел, кого через лес перекидывал, кого к небу богатырь подбрасывал.

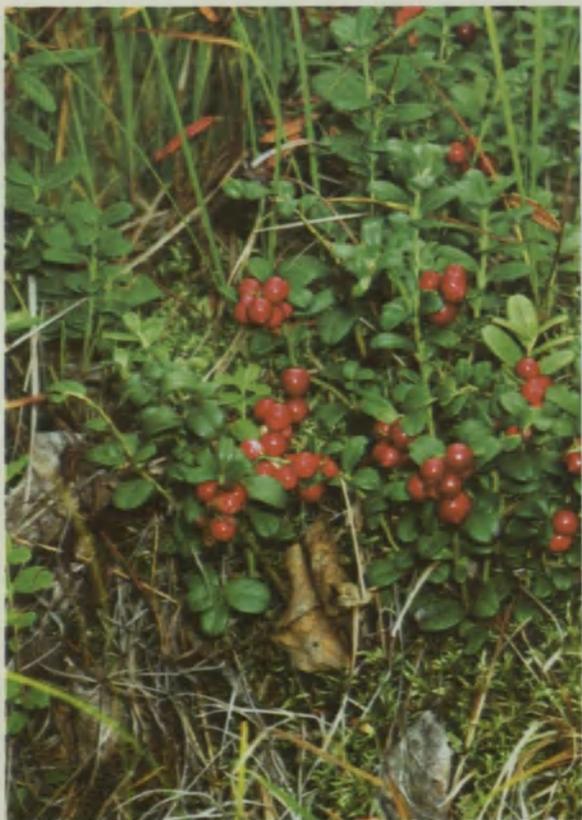
Сколько шел тот бой, разве Торум знает, не запомнить человеку. Перебили врагов. Тихо стало. Приумолкла река, пригорюнился лес. И опять войско спит мертвым

сном, теперь беспробудным сном. Не осталось у Таньи живительной земли целованной, земли от отца-матери.

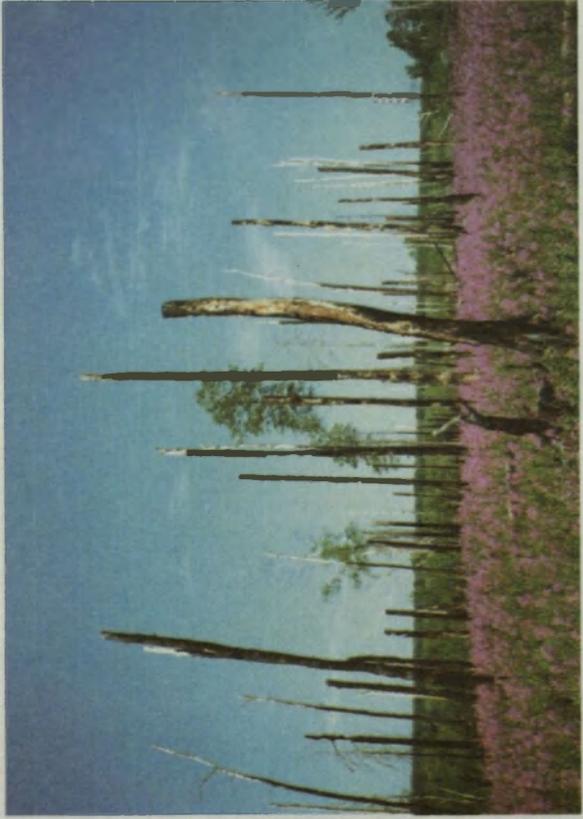
Только Алыча-воина в этот раз стрела не задела, не ранила. Видит Алыч: Танья к реке тяжело идет, пошатывается, да и повалился вдруг от усталости или от многих ран, не понял Алыч. Подбежал к Танье и видит, как у него из глаз свет выкатывается, а из ран всех кровь густая горячая хлынула. Подбежал Алыч к реке, притащил воды в пригоршне, только губы Танье помазал, а кровь так и свищет, так и хлещет.

Захотел Алыч ближе к реке подтащить богатыря, хватить — не может. Силой бог не наградил Алыча. Давай бегать Алыч к берегу да к Танье, как горностаю, туда-сюда. Одну рану водой зальет, десять других открываются. А Танья-богатырь распластал руки в раз-

ные стороны. Обнял землю и захрипел.

Видит Алыч — нет толку от старания его. Сел Алыч около Тани, задумался. «Птица мест родных не забывает, а человек и по-давно, — думает воин. — Надо Таню тащить к земле отца-матери».

Нарубил Алыч ваги из молодых сосен, уложил на них Таню и поволок. По лесам волок и лугам, около озер и болот. А из ран Тани кровь ручейками горячими в землю пряталась.

Долго вез Таню Алыч, долго плутал по тайге. Обернется, поглядит и заплачет воин: Таня-богатырь все меньше и меньше становится. Да, видать, привез Алыч Таню на родную землю. Открыл Таня глаза, вздохнул глубоко, да и потерялся весь, только глубокая яма на этом месте осталась да блеском черным вода на озерах, болотах покрылась вокруг.

— Посиди, отдохни, я след Таньки посмотрю, — сказал холей Алычу и улетел.

Долго летал холей. Прилетел, сел на вагах, где Танья лежал, закрутил головой из стороны в сторону, снова взлетел и прокричал на лету:

— Плачь не плачь — нет Таньки. Нюхай не нюхай — все кругом Таньей пахнет. Когда солнце светить не будет — тогда люди Танью забудут, — и улетел холей, жалобно крича.

Долго думушку думал Алыч-воин, как рассказать людям о Танье-богатыре, о его горячей кровушке, что вся в землю ушла.

— Река сохнет — название остается. Богатырь погибает — имя в народе живет, — говорил всем Алыч.

Не дожил и Алыч-воин, не узнал, что нашли люди земное тепло и что горячую кровь богатыря Таньки нефтью звать стали.

Сенькин пай

Сенькин пай

Не на шутку расхворался старик Коконя: на глаза накатила темная ночь, по спине будто кто палкой ударил, ноги не шевелятся — словно в капкан пойманы.

Много ночей не спит, лежит старик, думушку думает да сыновей ждет. А сыновей все нет. За теплом послал их старый охотник. Слышал он от отца своего — есть места, где земля теплом дышит.

К вершине реки Нельмы послал он Прокопку, к реке Кедрачей направил Никифора. Только младшего Сеньку, не знает Коконя, с какой стороны ждать. Не знает, в какой бор, в какой урман он ушел.

А Сенька тем временем исходил, измерил шагами берега рек пологих и крутоярых, обошел дремучие леса, ходко, торопно борами ходил. Увидел однажды под горой, в логоу, непроглядный дым.

Смотрит: клубы черные к небу тянутся, гарью, копотью затянуло все, а у самой земли пламя великое на ветру дрожит, жаром дышит. То затухнет, в землю спрячется, будто силы там набирается, то опять вырвется — клубы черные гонит по небу.

Никогда глаза Сеньки такого не видели, даже бабушка длинными ночами в сказках своих про то не рассказывала.

Испугался Сенька. За куст спрятался, переждать хотел пожарище, а оно в осенней ночи разгоралось пуще прежнего. И казалось ему, что сама земля под ним движется, содрогается.

Непугливый Сенька был с малых лет. По лесам днем и ночью расхаживал, не однажды в медвежью берлогу с заиндевелою отдушиной ель вталкивал и будил хозяина сердитого. Только этим днем не узнал себя Сенька. Задрожали ноги, заподкашивались, руки плохо ружье держали.

А жара вокруг стояла нестерпимая. Спыхватился тут Сенька, догадался, что нашел тепло земное.

Не занимать Сеньке смекалки, сноровистости. Он смолистую сухару за комель схватил, подтащил поближе к пожарищу. А прожора-огонь будто ждал того: облизал сухару языками своими жгучими обвил ярким пламенем, засветил в темноте, обогрел округу теплом.

И понесся Сенька сколько духу есть к родным местам, где отец жил. А сухару, земным огнем зажженную, не выпускает из рук.

Как раз в это время старик Коконя еле вышел из чума с деревянной колотушкой в руках и давай стучать в бубен, сзывать сыновей.

Бил, бил, устал. Ушел в чум, лег на шкуры. «Видно, далеко ушли», — думает. Набрал силы старый охотник. Снова вышел из чума, колотушкой стал стучать по деревьям. Не услышали сыновья.

Не хотелось умирать Коконе, не повидав сыновей своих. Попросил тогда он птиц и зверей позвать их.

Разлетелись с шумом по тайге птицы, разбежались по округе звери.

А сыновья-то — Прокопка с Никифором улеглись на мхом выстланной боровинке, где речной прибрежный ветер гнус отгонял, где не тревожил их ни комар, ни заблудший шмель.

— Где его найти-то — земное тепло? — лениво открывая глаза, Прокопка спрашивал брата.

— Да нет его совсем! Это отец выдумал! — промычал сквозь зевоту Никифор и на другой бок перевернулся.

И тут послышался громкий птичий крик. Вскочили братья.

А птицы летят, гогочут, крыльями машут — каждая рассказывает, что старик Коконя собрался навсегда оставить землю, домой сыновей зовет. Догадались братья, что отец надумал угоды делить. У отца они немалые. По реке широкой Югану тянутся хмурые урманы с соболями да белками, с горностоями, лисами да с другою всякой живностью. В тех урманах сам хозяин тайги живет.

В реках, в заливных местах у чистых песков, да в заводях косяки рыб плавают. На болотинах зыб-

ких вкусный душистый ягель-мох растет. Ест его олень — сильный бывает, ветер, и тот не догонит его — отстанет.

Округлились у обоих братьев глаза, потерялся голос. Боятся, как бы их отец не обделил.

— Мой пай будет — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами, — закричал во всю силу Прокопка.

— Нет, мой пай — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами, — перекричал его Никифор.

— Нет, мой пай! — хрипел Прокопка.

— Нет, мой пай! — орал Никифор.

И бежали они так, что травы гнулись, расступались деревья.

А с другой стороны бежал лесом Сенька, освещая ярким светом не легкую, неторную тропу. И не разглядел второпях он корягу смолистую, упал, пламя — на землю.

А огонь тут же пошел по кустам, по деревьям шарить: зачернил, поджег травы, охватил пламенем деревья вокруг. Долго хлестал Сенька огонь ветками, тушил пожар. Да видит, не сможет он один справиться. Побежал к реке Югану и давай поклоны ей бить, давай ее просить пособить в беде.

А река сложила волны, приумолкла, почернела и будто не слышит. На колени пал Сенька, пригоршнями черпал воду и шептал ей сквозь слезы. Не хотелось охотнику, чтобы ветер разнес по тайге молву, что упустил он земное тепло.

Вдруг одна волна всплеснулась, окатила Сеньку, смыла грязь и копоть с его лица и толкнула дальше от берега.

Отбежал Сенька, а вода — за ним. Он шаг шагнул — она за ним, второй шагнул — она дальше подгоняет.

А вокруг пожарище бушует, дурит, жжет все вокруг. Торопит река Сеньку, вся дрожит мелкой рябью.

Сколько дней пробежал Сенька, сам не знает, птицы знали — и те забыли.

А речка мчится, позади себя берега крутые оставляет, не пускает пламя дальше в тайгу.

Тут выскочил Сенька на крутой яр, а речушка обежала круг да с другой стороны к самому Югану и подошла. Обняла вода огонь, остров сделала. Черный остров, горелый остров. Огляделся Сенька кругом, видит: приумолкла река, присел огонь к земле, только гарь стелется. Обтер изодранным рукавом малицы Сенька пот с лица, затянул крошни потуже, вздохнул глубоко и к отцовскому чуму быстрыми шагами отправился.

А там били бубны — под раскидистой сосной хоронили старого

Коконю. Так и умер он, не дождавшись младшего сына с земным теплом.

Упал на колени Сенька, зашептал отцу:

— Ты прости меня. Не донес я тепло. Потерял. Оставил на острове.

И слышит он вдруг тихий голос:

— Помолчи. Не пришла пора про земное тепло разговор вести.

Оглянулся Сенька — никого. Только братья стоят, брови нахмурили, смотрят так сердито.

Потом Прокопка проговорил нехотя:

— Не оставил отец пая тебе! Нам с Никифором разделил угодя. Ты и так проживешь.

— Шибко долго земное тепло искал, пусть оно и греет, и кормит тебя. Ха-ха-ха! — засмеялся Никифор.

Видит Сенька — около ног собака вертится, в глаза ему смотрит,

скулит жалобно. Взял он ее с собой и на остров горелый отправился. Чум поставил, снасти сплел и стал жить в дружбе с ветром и рекой.

Жил, не печалился. Сыновей растил, учил честно жить, земное богатство беречь.

Много зим прошло, побелели кудри у Сеньки, обросла борода белым мхом, паутинка тонкая исчертила лицо.

Как-то на рассвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов, да, потягиваясь на суку, белка хвост прихорашивала, выехал на своем облазке Сенькин младший сын. Едет, любит простором речным, островом родным, видит: из-за мыса лодка выплыла, к их острову направилась.

Плывут люди шумно, разговор ведут, на берег сходят.

Говорят что-то на незнакомом языке, понять Сенька-младший

не может. Позвал отца. Захлопотал старый охотник, угостил гостей вкусной нельмой малосольной, налимью уху сварил. Рад был старик, что люди его про тепло земное спросили. Видно, время пришло!

Смотрит на гостей, радуется, а они по острову ходят, оглядываются. А потом спрашивают:

— Как зовут люди этот черный остров?

Посмотрел вокруг старик, прищурил глаза, почесал пятерней седую голову, пожал плечами да и говорит:

— Тут? Тут Сенькин пай!

— Сенгапай?—переспросили его люди.

— Ага, ага, Сенгапай! — добродушно согласился охотник. — Тут тепло земли живет. Много-много! Сенька-сын казать будет. Он знает.

И пошла молва про остров неслышанная. Нефтяною кладовушкой

это место люди звать стали. А когда пришла пора, то Сеньку-младшего как хозяина острова — отца уже не было в живых — попросили первого открыть задвижку от большой трубы, по которой люди собирались отправлять земное тепло.

Пришло в тот день на горелый остров народу видимо-невидимо. Смотрят — Сенька-младший разнаряжен по-праздничному: малица белая как снег, вся расшита по рукавам и подолу рисунками хитрыми, на ногах бродни новые, перевязанные у колен разноцветным шнурком с кистями пушистыми. На широком сыромятном ремне в ножнах с резной рукояткой нож висит охотничий да табакерка отцовская с амулетами.

По-хозяйски подошел к задвижке Сенька-младший, улыбнулся всем, вздохнул полной грудью и повернул ее. Заурчало что-то в

трубе, зашумело. Припал Сенька ухом к трубе да как закричит от радости:

— Идет! Идет! Земное тепло идет!

Дочери Отортена

6 М. Анисимова

Дочери Отортена

Только ветер знает, да Чистопкамень помнит про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортен жил.

Первым солнце встречал Отортен, первого ветер ласкал Отортена, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Когда забьют в бубен, позовут на бой — всех туже лук Отортена, всех острей стрела Отортена.

— Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен! — говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги достанет медведицу, переставит валун с места на место.

— Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен! — говорили все.

Если лодки нет — по волнам перебежит речку любую или озеро. Не свистел никогда тынзян попусту, если брал его в руки Отортен.

— Ей-е-е! Ну и ловкий манси Отортен! — говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена.

Одиноко жил в тайге Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лед утащил, а невеста по сердцу не встретилась.

Знал Отортен свое охотничье дело: с тайгою в дружбе жил, ловушки для зверей мастерил, нарты чинил, чум поправлял, зимнюю одежду шил. Надоест это — к реке пойдет. Снасти проверит.

Как-то раз шел Отортен с рыбалки домой, услышал вдруг завывание сердитое.

Оглянулся, видит: ветер летит, треплет ветви деревьев, траву с корнем рвет, прошелся по реке со всей силищей, разлил волны ее в разные стороны.

— Что ты делаешь, ветер Сиверко? — взмолилась река Тосемья и облила ветру бороду косматую. Долго тряс ею ветер, моросил дождем, фыркал талыми снежинками — обиделся.

— Неспроста кружу-у-у! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, волны спрятала. А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, ждет, что скажет река говорливая.

Вдруг всплеснула одна, другая волна. Замутилась река. Ветер тут как тут.

— Отортен — жених! Лучше не найти! — простонала река. И давай хлестать волны в разные стороны.

— Что ты делаешь? Неразумная! — проревел Сиверко.

А река пенится, волны к берегам летят.

— Подожди! Расскажи! Не слышал я!

Зажурчала река, почернела. Зашумели, заскрипели камни на дне, заворочались. Застонала река да вся в камнях спряталась. Тосемья — сухая река, только имя осталось. Камни голые лежат да пустые берега.

Рассердился ветер, волком воет, ругает себя, что не смог услышать имя жениха.

Зато слышал все это Отортен. Часто стал приходиться к реке.

Как-то раз пришел Отортен к сухим берегам Тосемьи-реки. Вдруг как все загудит вокруг,

затрещит. Облака с землею встретились, закачались деревья, стали землю вершинами бить, и по сухой реке ручеек зазвенел.

Обрадовался Отортен, побежал за ним, а перед ним вдруг появилась девушка. Солнце дало ей жизнь, травы—нежность и стройность, а озера и реки подарили глаза голубые, большие, бездонные!

— Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко, — громко крикнула девушка и исчезла. За ней убежал и ручеек.

— Это ты пришла, Тосемья-река? — крикнул радостно Отортен. — Где ты? Покажись еще! Пойдем в чум ко мне!

Тут буран поднялся невиданный. Хитрый ветер Сиверко в кустах прятался и услышал имя охотника.

— Отортен! Отортен! Отортен! Иди скорей ко мне! Прячься

под берег! Я укрою тебя! — слышит Отортен слабый девичий голос.

— Отортен! Отортен! — кричит ветер Сиверко. А косматые тучи закрыли все, закружили все.

— Не отдам тебя в чужую сторону, — разлилась вдруг, зашумела речка Тосемья, показалась из нее та же девушка, только слезы из глаз ручейками стекали прямо к ногам охотника. — Оставайся со мной, Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! — крикнула Тосемья... И рассеялось, потерялось вдруг облако темное.

А на том месте, где стоял Отортен, очутился вдруг великан-камень.

Тут же Тосемья-река обежала его, журча, обласкала водой. Так стоит с тех пор камень Отортен. Снег не тает на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился, каждую весну ему Тосемья-река по дочери говорливой дарила. Пошумят ручейки и опять убегут — в болота, озера у подножия Отортена спрячутся.

Долго смотрел на них Отортен, любовался. Видел, как год от года ручейки полнели да ширились: то Печора-дочь, то Вишера Отортену-отцу сказки рассказывали, а как весны придут, почернеют они, нахмурятся. Раз в солнечный весенний день замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго сказок ждал Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен: потемнела, запечалилась и дочь Вишера.

— Тыпусти меня, отец, в сторону! — прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил

камень один, а за ним другой — заковал берега. Крепко держит дочерей в утесах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями свистели, над вершиной Отортена разговор вели: «Тяжела дорога. Нет озер! Нет лесов! Пусто, мертво все без воды». И слетелись птицы на речную гладь. И давай купаться в Печоре да Вишере. На утесах крутых перья чистили, а в низинах речных гнезда вили да птенцов выводили. Отортен все молчал. Все думушку думал. Как-то в талый день заговорил Отортен, обратился к дочерям своим. Испугались они. Притихли, слушают.

— Я открываю вам ходы-выходы. На простор пуцу, — прогремел Отортен громовым голосом. — Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса

растут, волны пусть людям счастье несут!

Заметались, забились реки горные, заискрились струями серебряными и давай песни петь Отортену.

— Расступись, отец! Отпусти, отец! Вечно славить будем тебя, Отортен-отец!

Долго, видно, сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигал плечи каменные к стороне, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам свои воды нести.

И ушли, укатили в одну сторону обе дочери Отортена.

Он им каждый год свои думы шлет, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы гонит ручейки. Да не знают про то сестры, что отец-Отортен с другой стороны, что ближе к солнышку, отпустил и меньших дочерей своих — Лозьву с Сосьвою.

Наградил он их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес. Облака в этих реках купаются, прихорашивают-ся, а в награду дал им Отортен рыбку малую посеребренную. Не увидеть такой, не сыскать нигде. Вкусна!

Стоит Отортен, белая шапка на нем, и лузан весь расшит мхом-лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножие ласкают дочери, да течет у подножия малый ручеек Тосемьи-реки.

Тот, кто был в тех краях, у камня Отортена стоял, сам, наверное, сказками его заслушивался. Он затянет протяжную песню, то жалобную, будто плач, то веселую, удалую, будто на вершине его праздник празднуют, то такой шум да свист понесется, будто оленья стадо бежит, а впереди его на белой упряжке невесту везут.

— Это Отортен разговор с дочерями ведет, про дела их спрашивает. Недаром в народе его говорящим камнем зовут.

Еганское огнище

Еганское огнище

Проживет иной человек на земле, как дым проплывет, — никакого следа после себя не оставит. Подумаешь так: для чего жил, только небо коптил! А другой! Живет себе, только диву даешься: откуда, что и берется? За какое дело ни возьмется — в руках все спорится, какое слово ни скажет — все в строку идет. От таких людей всякие неожиданности ждать можно. Такое сотворят, что и через века внуки их вспоминать будут.

Так это или не так было, но то, что охотник Еган на земле жил, уж точно установлено: потому как протока Еганская есть, Еганское урочище есть, и сама речка Еганка живет!

Течет она тихо среди буреломов. Весной наполнится водой, выйдет из берегов, зальет всю округу — и не найдешь ее русла, а к летней поре упадет в берега и течет смирно и тихо, будто слушает, о чем ветры и травы, кусты и деревья разговор ведут.

Вот в этих самых местах и жил охотник Еган. Много рядом бродов и урманов было, а он как облюбовал эти места, так тут все время и промышлял. И была у него своя особенная примета. Не будь ее — мало бы кто знал Егана. А примета была в том, что зверья никакого никогда Еган-охотник не бил, стрел не точил, луков не гнул, самострелов не настораживал, даже капканов, которые ноги зверям увечат, и тех не мастерил.

Была у него великая любовь ко всему живому!

Зато ловушки какие умел делать Еган! Такую смастерит, что

звери сами к ней бегут. Только вынесет в бор, а зверь уже тут как тут. Сидит себе в клетке!

Идет тогда Еган тихо, осторожно, чтобы не напугать зверя. Присядет на корточки перед клеткой, поговорит со зверем, корму положит, потом гладить по голове начнет. Взъерошится, было, лесной житель, зубы скалить станет, да только злость у него скоро проходить начнет. Кого ласковое слово за сердце не берет? Мало-помалу и привыкнет зверь, да и станет жить с охотником в великой дружбе.

Привольно жилось зверью с Еганом. Как услышат они, что он в тайгу пришел — ягод ли побрать, грибов ли пособирать, орехов посшибать или рыбу половить, — все навстречу к нему бегут! Все норвят руки лизнуть, а лиса, так та до щеки всегда умудряется добраться. Для каждого Еган ласковое слово знал про запас. А если к кому из

зверей озорство приходило — умел Еган громким голосом страх наводить. Громкий голос его повторяли деревья и травы, кусты и цветы.

Смирели звери, поджимали уши, прятались в норы, и скоро ко всем приходил мир. Только такое редко бывало с Еганом.

Охотники со всей округи любили к нему в гости ездить. Мастер он был небылицы рассказывать. Лицо у Егана улыбочное было, в глазах всегда смешинки плясали, а зверюшки в такие минуты к нему с разных сторон тайги бежали. Припадут волосатыми губами к уху и шепчут ему, рассказывают, кто что видел вокруг.

Так бы, может, и прожил Еган, если бы не прибежал к нему в весеннюю пору медведь с опаленной бурой шерстью. Добежал зверь до чума охотника, пал на траву и лежит, как человек стонет, головы поднять не может.

Захлопотал Еган, забегал вокруг косолапого, малины ему в пасть толкает, медом морду мажет, а медведь трясется от страха, косматую голову под расшитую рубаху охотника прячет.

— Беда! — ревет зверь. — Из озера огнище выскочило! Зарево до самого неба вылетело.

— Какое еще огнище? — удивился охотник и побежал со зверями к тому месту, где медведь огонь видел.

Тихо кругом. На озере волны ворочаются, на них утки плавают, качаются, травы на берегу шелестят, от росы головы к земле гнут.

— Ты, наверное, сегодня много мухоморов ел? — спросил Еган медведя.

Тот виновато покачал головой, потер лапой глаза и отправился в бор берлогу строить.

«Какой еще огонь на озере был?» — подумал Еган и не заметил, как к своей речке подошел.

Шел-шел по-под яру и видит: поперек речки бревно лежит. «Откуда такое бревно взялось?» — удивился охотник. Побежал по нему быстро в легких кожаных бродежках. Только хотел на берег выскочить и обомлел: ноги-то его на щучьей голове стоят! А она выставила зубы и большим ртом воздух хватает.

— Как это ты умудрилась в такую маленькую речку попасть? Или жадность тебя сюда принесла? — выскочив на берег, закричал Еган.

— Столкни меня в речку! Дай сил набраться! — шепчет щука.

Схватил Еган с берега палку березовую и давай ее под щуку подкладывать. Вертится щука, буровит брюхом илистое дно речки, изворачивается полосатым телом.

Долго бегал охотник по щучьей спине, то хвост, то голову отталкивает от берега. Очутилась наконец щука в воде. Растянулась вдоль берега, высунула голову и сказала:

— Это огнище выбросило меня сюда из озера!

— Какое еще огнище? — снова удивился Еган. — Все тихо кругом, спокойно.

— Ох! — простонала щука. — Вот отдышусь и расскажу тебе тайну его. Вдруг веку моего не хватит, а у людей память длинная.

Сел Еган на берег. Долго по небу ходила луна, много раз подбегали к обрыву звери, но как увидят, что Еган все еще со щукой разговор ведут, убегут.

О чем говорила щука охотнику, так никто и не знает. Только с той поры стал искать Еган тайную дорогу к огнищу.

Стали звери терять Егана. Как не подбегут к его чуму, а еловая палка опять поперек лежит — значит, нет Егана дома. Соболь скажет, что рано утром его на яру видел, лиса днем его след на поляне нюхала, а заяц перед дож-

дем с берега видел, как Еган в колданке по озеру плавал.

Но скоро совсем потерялся Еган.

Всполошились звери, и давай бегать по округе. Под каждым кустом, под каждым деревом обыскали, обнюхали его след. А Егана нигде нет!

— На озере он! На озере он! — кричал заяц, прыгая на лапках.

Сели звери на берег, прижались друг к другу, глаз с озера не спускают, а потом принялись кричать. Эхо далеко уносило их крик, а в ответ шумел только ветер.

Вдруг опрокинулась волна и из озера показалась большая щучья голова. И говорит щука:

— Не ищите вы своего Егана! Не придет он к вам больше! Огнище он пошел искать.

Когда найдет его, тогда и ждите своего Егана! — И, ударив широким хвостом по воде, спряталась обратно в озеро.

Потосковали звери, искали еще Егана и разбежались в разные стороны. Бегают, всех спрашивают: «Кто знает, где огнище живет?».

А Еган тем временем все шел и шел за своей речкой, и привела она его к большому озеру. Остановилась, завертелась. Закрутилась около его ног, разными искрами засверкала. Так и зовет охотника дальше, так и манит.

— Иди, иди, Еган. Тут недалеко живет огнище! — взметнув волны, сказала она.

Вдруг как опрокинулось озеро! Зашумела, запела на разные голоса вода, мхи выстлались перед Еганом, и очутился он под землей. Теперь вокруг птичьих голосов не слышно, солнечного луча не видно. Вздогнуло сердце Егана.

— Где ты тут живешь, огнище! — крикнул Еган в темноту. Разнеслось далекое эхо. Слышит, под но-

гами снова речка зазвенела, а впереди черная девка с косой, как вороново крыло, показалась. Стоит в стороне тихо, черными глазами, как двумя озерками, на охотника смотрит и манит к себе, зовет.

— Не к тебе я пришел, а к огнищу! — крикнул охотник.

Захохотала черная девка, замотала из стороны в сторону черными косами.

— А огнище без меня не живет. Там, где меня увидишь, там и его жди! — ответила она и потерялась, а вокруг потекла река пахучая.

— Иди, иди сюда, Еган! — прожурчала под ногами речка. — Смотри, огнище сюда бежит! Правду девка сказала.

Показалось вдали зарево, осветило все подземное царство, и увидел Еган реки разноцветные и камни красоты неземной. Зажмурился охотник от свету яркого, приложил руку к глазам, а сам в уз-

кие щелочки между пальцами поглядывает, смотрит, как огнище дурит, высокими языками землю лижет, стелется по глади рек, только красные языки летят в разные стороны, да остановилось вдруг, будто присело перед Еганом, раскаленной бородой размахивая.

— Пришел ко мне! Отыскал меня, значит! — засвистело огнище и давай от радости прыгать, искры метать, густым дымом фыркать. — Только ты меня, человек, скорее на простор пусти! Только покажи мне в твоей земле трещину! Ну и разгуляюсь я на просторе! — свистит огнище.

И представил охотник Еган, что сделает жадное огнище с его бором, лесом, с его зверями и птицами, и замолчал, прижался к земле, как песчинка малая, и уснул в чужом подземном царстве. «Видно, не пришла еще пора про тебя говорить, на про-

стор тебя пускать!» — подумал он про себя.

Много зим прошло, много вьюг прошумело над землей. Даже звери стали забывать, когда в этих местах Еган жил.

В один из весенних дней, когда медведь в малинник пошел, услышал в стороне голоса людей. Остановился зверь и тихо за ними отправился, за лесины прячется, их разговор слушает. А они на берег Еганской речки вышли, свои чумы поставили, костры жечь стали, а сами все про огнище разговор ведут.

Слушал, слушал их медведь и обратно в малинник пошел да как вспрыгнет вдруг! Сучья затрещали, кусты подогнулись, птицы в разные стороны полетели. Выбежал медведь на берег реки да как закричит голосом человеческим:

— Тут оно, тут! Тут живет Еганское огнище! Сам Еган за ним ушел!

Испугались люди, бросились бежать кто куда, а медведь ревет им вслед:

— Куда вы? Тут оно, Еганское огнище! Ищите его тут!

Кто знает, поняли ли люди слова зверя или сами узнали, что огнище в этом месте искать надо. Только построили они вышки железные.

Прислушались люди, услышали земную силу, а когда взметнулось к небу огненное зарево, залило светом всю округу, люди от радости стали бросать высоко над головами шапки, обнимать друг друга. В это время выбежали на берег и звери, своего Егана среди них отыскать хотели. И не зря, говорят люди, они его ждали. Тут он был! Раз людям свое огнище отдал, — значит, и сам в родной край вернулся. След его и соболевидел, и лиса на поляне снова учуяла.

Железные сосны

Железные сосны

Спокойно жил Туетуй в своем стойбище, хотя дел у него на круглый год хватало. Не успеет отогнать в горы оленей, как грибы, ягоды поспевают. Только управится с ними, белая рыба пойдет. Наловит ее Туетуй, засушит, насолит на зиму, а ветры холодные тут как тут. Чум скорее надо чинить охотнику да оленей гнать. Погуляли они на душистых мхах, нажировались на лакомых грибах, силы набрали. Шерсть на них блестит, бороды у быков отрасли, они ими тропы метут. Рад Туетуй.

Гонит он однажды оленей, песни поет. Позади нарты бежит олененок с черным пятнышком на

лбу, мычит тихонько, тоненькими рожками снег бодает. Посмотрел на него Туетуй, улыбнулся и спрашивает:

— Чему радуешься, несмышлениш?

А олененок встал на задние ноги, забил передними копытами да заговорил человеческим голосом:

— Слышал ли ты, как Сенька-охотник в тайге земное тепло нашел?

Вскочил Туетуй с нарты, остановил упряжку, манит к себе олененка, а тот отпрыгнул в сторону и затерялся в стаде.

Быстро бежит стадо, широкими копытами приминает снег. Из больших ноздрей теплый пар вьется, стучат друг о дружку ветвистые рога. Собаки торопятся, в снегу пурхаются, изредка на коренника-шатуна влаивают и опять бегут, красные языки вы-

сунув. Все было бы хорошо, да слова олененка не дают покоя Туеую: «Какое такое тепло Сенька нашел?».

А зима пришла снежная да лютая. Сиверко слал одну метель за другой. Стучат они по ночам в тугие стены чума, норовят сорвать его! Хлещет, валит снежище. Солнечного света не видит много дней Туеуй.

— И чего раздурилась непогода? — сказал он вслух, связывая нарты, чтобы ветер не раскидал их, и тут услышал вдруг стук оленьих копыт.

Оглянулся — на задних ногах олененок стоит. Вытянул шею и говорит:

— Это мороз и метель найденное Сенькой земное тепло обратно в землю спрятать хотят!

— Откуда ты знаешь? — спросил Туеуй и хотел ухватить олененка за ухо. Тот ловко пе-

ревернул через голову и убежал.

Показалось солнце. Оглядело каждую ложбину, каждый кустик пригрело и ручьи послало. Весна пришла! Недалеко от болота поставил Туетуй свой берестяной чум. Уснул крепко-накрепко, отогрев кости на солнышке. Спит и слышит, как утки и гуси в небе кричат. Обрадовался Туетуй, выскочил из чума, смотрит им вслед, а они летят дальше, все над болотом кружат. Потом сели, спрятались в траве и кустах.

«Хорошо!» — подумал охотник.

К вечеру еще стая прилетела, а за ней другая. Кричат в небе, кружат, места ищут, чтобы дать отдохнуть крыльям. Черно на озере стало. Птицы такой шум и гам подняли, что Туетуй уши сухим мхом заткнул, надел на голову меховой треух. А птицы орут на

разные голоса. Не вытерпел охотник, схватил большой тальниковый прут и давай гонять по болоту и озеру уток.

— Откуда вас столько взялось? — закричал Туетуй, обтирая вспотевший лоб. И услышал голос сзади себя:

— Они, глупые, испугались железных сосен, которые на болотах люди поставили.

Обернулся Туетуй и опять олененка увидел.

— Откуда ты все знаешь?

— Я сам туда летал.

— Как летал? Кто тебе крылья давал? — удивился Туетуй.

— Я на облачке летаю. Как только оно спустится на болото, я и сажусь на него, — и побежал олененок, подпрыгивая на тонких ножках.

— Да не бегай ты! — крикнул ему вслед Туетуй. — Расскажи мне про сосны железные.

— Не-ког-да! — крикнул олененок. — Облако подплывает.

Видит Туетуй: спускается на болотину, как лебяжье одеяло, легкое облачко. Задело легонько мох на кочках, пригнуло траву и дрожит нетерпеливо, в небо подняться хочет. А олененок как разбежится — и прыг на него! Свернулся в клубочек, как белка в дупле, только рожки острые, как сосновые сучья, торчат. Поднялось облачко, поплыло над тайгой и рекой.

— Прилетай скорее! — кричит ему Туетуй.

А олененок ему рожками с высоты машет.

Долго ждал охотник олененка. Рыбачит ли, ягоды берет, сети чинит, а сам все на небо поглядывает, все про железные сосны думает: «Как будет жить человек, что в костер бросать будет, если все сосны железные будут?».

Однажды в утренний час снова услышал охотник голос олененка:

— Туетуй! Туетуй! Не печалься! Железные сосны скоро упадут, на болото дождевые тучи полетели. Они зальют огонь, утопят и сосны в воде.

Ничего не сказал Туетуй, сел на кочку и слышит — тихо стало вокруг. Спрятались, присмирели птицы, перестала ловиться рыба, замолкли, спрятались в траве комары. Страх взял Туетуя.

Рыбачит Туетуй и видит, как по небу плывут из дальней стороны тучи. Плывут тихо, сеют мелкий дождь, как будто устали.

— Туетуй, Туетуй! — кричит сзади олененок и с кочки на кочку прыгает.

— Отчего тебя радость берет? — сердито спросил его охотник.

— Изорвали тучи все свои наряды о железные сосны! Вылили

всю воду на них, а люди только смеются. Сидят у жаркого костра и песни поют.

— Не болтай своим шершавым языком пустые слова! — прикрикнул на олененка Туетуй.

— Правду, правду говорю! Тучи с ними не справились! Мне облачко рассказало. Оно возьмет меня, чтобы на тех людей посмотреть.

— А можно с тобой? — спросил охотник.

Замолчал олененок, отошел в сторону, хватает мягкими губами мох, будто не слышит слов Туетуя. А из-за леса облачко выплыло и спустилось на болото. Вскочил на него олененок, крикнул:

— Садись, Туетуй! Полетим вместе.

Вздвогнул Туетуй, побежал и встал на облачко. Полетело оно над тайгой. Сколько летело, Туе-

туй не помнит. Только видит: впереди огни показались. Ярко светят в ночной тайге, манят к себе облачко.

— Это сосны железные! Сосны железные! Видишь, люди там! — кричит олененок.

Схватился Туетуй за край облачка, свесил голову и слышит — грохочет что-то, голоса людские.

— Сюда — сюда! — кричит кто-то с земли.

Видит, Туетуй — железная громадина в небо поднимается.

— Отлетай, отлетай, облачко! — кричит олененок. — Порвет тебя железная сосна.

А Туетуй смотрит на людей и глаз оторвать не может.

— Понравилось? — спрашивает олененок. — Это болото Аганским называется. Сейчас мы с тобой на Вар-Еган слетаем! Потом на Юганскую Обь полетим. Там везде железные сосны стоят, а рядом огни горят.

Замолчал Туетуй. В глазах радость поселилась: вот что сделали люди на сыром болоте.

— Здесь они тепло под землей нашли! — кричит олененок.

— Да ну? — воскликнул Туетуй.

В это время опять зазвенело железо и еще одна сосна стала подниматься к небу.

— Оставь меня, облачко, на земле! Пойду я к этим людям. Хочу вместе с ними тепло искать, сосны железные сажать буду.

И опустился, говорят, к вышка-комонтажникам бывший охотник Туетуй. Пришел к ним как друг, как брат. Хорошо ему. Живет с песней в сердце.

Когда вместе с товарищами Туетуй поднимает новую буровую, видит он в небе белое облачко. Оно то низко к земле опускается, то над самой вышкой плывет. Может, думает, что Туетуй к старому чуму лететь

хочет. А парень улыбается облачку и машет рукой:

— Лети, лети! И Расскажи всем
— у Туетуя хорошая работа!

Гнев тайги

Гнев тайги

В давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что шум да свист стояли от ее крыльев. Все озера и болота были заняты утками, гусями да лебедями, а в лесах — тучи боровой птицы. И зверя всякого было полным-полно. Люди тоже жили привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что все, что дано им природой, беречь надо.

— Ай-яй, что делаете! Зачем птицу зря губите? — говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подраненная утка, чуть взлетев, падала на озерную зыбь. Осиротевшие утята, громко крича, прята-

лись в зарослях камыша и осоки, а озорник шел дальше.

Грустными глазами смотрел старый Тасман на оставленную птицу.

— Зачем бьет, если не надо? — сокрушенно качал он головой. Он шел по тайге и видел вокруг и заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей.

«Богата тайга! Шибко богата!» — рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложбине, придавив большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на длинные ноги, но снова падал, от боли закинув на спину тяжелую голову с большими рогами. Тихо подошел к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

— Добрый человек! — промолвил зверь. — Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Наскоро Тасман нарубил жердей и стал поднимать тяжелого лося. Пот стекал с лица от усталости, дрожали руки и ноги. На закате солнышка помог Тасман встать лосю. Зверь лизнул руки Тасмана, сказал:

— Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу! — И скрылся за лесом.

...Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били не жалеючи зверя. Затосковал Тасман и не стал выходить из юрты, чтобы не встречаться с ними.

А однажды проснулись люди, вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлета птиц, ни шороха зверей. Люди вышли из юрт. Светило солнышко, но тайга стояла безмолвная. Они стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Многие, взяв луки, пошли в лес, поплыли по реке, но вечером воз-

вратились ни с чем. И снова все молчали. Озера и болота вымерли: не стало в них уток. В лесах потерялся зверь.

— Страшно ходить по тайге! Страшно! — говорили охотники, возвратившись с охоты.

Стал людей одолевать голод. Большая беда пришла в тайгу, и тут все вспомнили про старого Тасмана.

— Это великий Гнев тайги! — сказал Тасман. — Тайга рассердилась, тайга свой Гнев послала.

— Добрый Тасман, научи нас, что делать? — стали просить старика люди.

Вышел Тасман из юрты, и сразу на сосну сел глухарь. Обрадовались люди, за луки схватились, а глухарь улетел.

Долго искали его, да не нашли.

И поняли все, что один Тасман не виноват перед тайгой, что его

послать к Гневу тайги надо. Только к Тасману давно старость пришла.

А тайга стояла хмурая, молчаливая. Долго думал старик, как помочь людям. Вспомнил слова лось. Надел малицу и направился Тасман в тайгу. Только зашел он за первое дерево, как навстречу ему лось.

— Не меня ли ты ищешь, старый Тасман? — спросил зверь. — Проси, что тебе надо, только быстрее, я помогу тебе!

— Вижу я, что торопишься ты!

— Говори!

— Помоги, добрый зверь, нашим людям! — промолвил старик. — Страшный голод пришел в наш край.

Лось молчал. Потом говорит:

— Это Гнев тайги. Он наказал всех, кто не берег добро ее.

— Горе! Горе! — вздыхал старик.

— Всех зверей и птиц спрятал Гнев от человека, — продолжал лось.

— А как же тогда ты, лось, на свободе? — спросил Тасман.

— Гнев отпустил меня на три дня и три ночи найти ослушницу сову. Но я обещал тебе, старик, помочь. Садись на меня, и я понесу тебя, куда скажешь!

— Вези, добрый лось, к Гневу тайги! Хочу его видеть.

— Да знаешь ли ты, старик, как далеко живет Гнев? Никто еще не бывал у него и не видел его.

— Вези, — сказал Тасман, и лось побежал.

Он бежал, словно летел, обгоняя ветер, оставляя позади леса и болота, горы и реки. Наконец остановился. Кругом стояли старые, хмурые кедры. Было темно вокруг: ни звука, ни шороха, ни света.

— Здесь живет Гнев тайги, — показал лось на лесную тро-

пинку. — Иди, иди, но если не будет тебя до первого луча — меня не ищи.

Тасман низко поклонился на все стороны и пошел в царство вечной тьмы.

Чем дальше шел Тасман, тем лес становился гуще, и скоро темная стена деревьев встала перед ним.

Долго старик приглядывался.

Вдруг промелькнул солнышка луч и вспыхнул огоньком рябиновый куст. Перелетела с ветки на ветку птичка серенькая с белой грудкой, клюнула ягодку одну, другую, звонко щелкнула клювом, повернула головку с бойкими глазками к Тасману да проговорила голосом человеческим:

— Зачем ты пришел в мое царство?

Тасман ласково спросил:

— Кто ты есть, добрая птичка?

Птичка молчала.

— Я пришел к Гневу тайги спросить: зачем он упрятал все живое от людей? Зачем он так сердит на людей?

— Искать долго не надо, — сказала птичка, — я Гнев тайги.

— Ты? Такая-то крохотная птичка — Гнев тайги?

— Я и доброта, и гнев, — прощелкала белогрудка. — Когда люди разоряют лесное царство — уходит доброта, прячется, остаются гнев и голод. Когда люди добры — плачу я им щедро: грибами, ягодами, шишками, лесными зверями и птицами. В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему.

Вздыхнул Тасман и сказал:

— Не права ты, птичка-белогрудка. Не все виноваты в тайге, а ты наказала всех.

Притихла птица. Услышал Тасман, как забила она крылыш-

ками, забегала бойко по рябиновым веткам.

— А кто в тайге не грешен? Все! Все разоряют тайгу!

— Нет, не все! — спорил Тасман.

— Нет, все! — сказала птичка. — Вчера на вечерней зорьке мальчонка маленький с щеками румяными, как брусничный сок, выстрелил из лука и попал мне в крылышко.

Замолчал Тасман.

— Ладно! — проговорила птичка. — Сейчас мы посмотрим, грешен ли ты. Попробуйка из пчелиного роя взять пригоршню меда. Если возьмешь — твоя правда, помогу тебе. Если нет — разговаривать с тобой не о чем.

Притих Тасман.

Вдруг снова промелькнул лучик солнышка, и перед Тасманом появилось старое дуплистое дерево.

Вокруг него роились пчелы. С опаской подходил к дуплу Тасман.

А пчелиная матка облетела вокруг него, прожужжала над самым ухом и села на соты. Дотронулся Тасман до ноздристых восковых домиков. Притихли пчелы, заползали, защекотали руки старика. Достал Тасман пригоршню меда чистого, только хотел обернуться, как слышит голос сзади.

— Твоя правда, старик. Виновата перед тобой я, — прощбетала белогрудая птичка. — Но озорники принесли много горя. А тебе скажу: если ты мою просьбу выполнишь, верну людям богатство тайги. А найти тебе надо сову-ослушницу и привести сюда.

Нечего делать. Заторопился Тасман на тропинку, по которой пришел. Лось ждал его. Когда Тасман рассказал о сове, лось говорит:

— Далеко это! Шибко далеко. Искать ее надо у гор, где солнце совсем не заходит теперь и светит все время.

И снова быстрее ветра понес лось старого Тасмана по угрюмой тайге.

Унес лось Тасмана далеко. И увидел Тасман, как, поклевывая ягодку, у подножия горы ходит птица.

— Это она, — прошептал лось.

А сова взлетела на выступ скалы и завертела головой из стороны в сторону, громко постукивая крепким клювом. Не пришлось старику долго раздумывать.

Сплел он петли из трав и припрятал их под каждым кустом. Ждет. Прошел день, другой, а сова сядет поодаль, клювом пощелкает, словно смеется над стариком. Вдруг от громкого крика вздрогнул Тасман, спохватился, побежал на шум и видит: лось наступил сове копытом на крыло и держит. Орала сова

во все горло, била свободным крылом, клевала ногу лося, но он дождался Тасмана. Взял мешок старик, набросил его на сову, завязал накрепко и пустился в обратный путь.

Был на исходе третий день, когда лось привез Тасмана в царство Гнева тайги.

— Поймал ослушницу! Спасибо, старик! — прощелкала белогрудка.

Оказавшись в темноте, сова поползла по земле, распустив крылья.

— Не видать тебе больше солнца! Не будешь летать днем, обижать птиц и зверей маленьких. Ночью на охоту вылетать станешь.

А Тасману сказала:

— Иди домой, старик!

Долго еще стоял Тасман, но ничего больше не сказала ему птичка.

Лось послужил старику и тут. Повез Тасмана в родной пауль.

А над ними с шумом пролетела
стая уток к озеру.

Много лет прошло с тех пор, но
ослушница сова и сейчас боится
солнца и охотится только ночью,
а люди помнят о Гневе тайги и
берегут лесные богатства.

Страшные кедровники

Страшные кедровники

Справляли раньше люди праздник медведя. Гости съезжались со всех сторон к юрте Петра Анямова. Нарты колокольчиками, бубенчиками украшены, позвякивают. Едут гости — люди веселые! Встречать надо. Выходит хозяин, кланяется гостям да в юрту приглашает. Сам-то богато одет: шапка соболья, совик нарядный, на ногах унты хитрыми узорами расшиты. Богат Анямов, знатен, тысячу оленей имеет. А жаден, скуп да зол — не сыскать в тайге такого. Знают все его характер, его скупость, а едут. Так уж ведется. Анямов убил медведя. Ему в охоте удача была. То ли у него ружье

хорошее, то ли места знал, только чаще других убивал он медведей. А иные говорили, что удачу ему приносит жена молодая, Домна. И верно, она удачливая была. Анямов брал ее с собой на охоту, добычу хорошую привозил.

В юрте, в переднем углу убитый медведь на задние лапы посажен, хозяин садится с ружьем. Гости заходят, кланяются зверю и хозяину да горсть снега бросают в медвежью морду.

— Прости меня, медведь, — говорит Анямов, — не я тебя убил — ружье, а ружье не манси выдумали.

После этого идет в юрте пир горой. Раздаются звуки санголы и бубна, начинают танцы молодые охотники. Кто охоту изображает, кто рыбную ловлю. Тут же в юрту вбегают ряженные. Шум, смех, веселье! Кто присвистывает, кто приплясывает. А старики сидят у

стен, табак пожевывают да улыбаются, глядя на расходившуюся молодежь.

Не удержался и Петр Анямов. Поставил ружье около медведя, расправил расшитую рубаху и тоже пустился в пляс. Веселились только мужчины, а женщинам на этом празднике быть не полагалось, они с детьми сидели в другой юрте и готовили кушанья. Была с ними и жена Анямова. Не любила Домна мужа своего за жадность. Анямов обирал охотников, не пускал их на охоту в свои владения. А как только встретит кого в лесу, тогда беда: собак натравит на несчастного, избьет. Говорила, бывало, Домна ему: «Ну чего ты жадничаешь? Тайга большая. Много зверя в тайге!». Только слушать Анямов не хотел ее. Зло посматривал, а тронуть боялся. Она была особенная, не похожая на других. Ей отец за вели-

кую любовь к зверю поведал тайну великую — знание языков звериных и наказ дал защищать тайгу и зверей от беды. Втихомолку манси называли ее «царицей тайги». Да и Петр понял, что только с появлением в его юрте Домны он стал богатеть.

Пир шел уже несколько дней. Опьянел Анямов и стал хвастать перед охотниками своими богатствами, начал им строго-настрого наказывать, чтобы они не ходили в его охотничьи угодья, чтобы на сто верст вокруг от своей юрты он не видел ни одного человека. Не понравилось это охотникам. Сидят они, нахмурились, а перечить хозяину не смеют. «Не миновать большой ссоры!» — думают все. А на празднике был молодой охотник Игнат. Он не вытерпел, да и говорит Анямову:

— Не хвастайся! Нас много, а ты один в тайге хозяин, ты один

продаетшь-меняешь дорогих зверей. Неправильно это. Будем убивать зверя, где захотим.

Как расходился тут Анямов! Побагровел от ярости. Глаза кровью налились. Обругал Игната и гостей, вышел из юрты, запряг своих оленей и умчался... «Что-то будет неладное! Недоброе дело затеял Анямов», — подумали все.

Засобирались охотники и, не окончив праздника, разъехались по юртам с тяжелыми думами. Только Игнат остался.

Вдруг послышался страшный шум: звери и птицы бежали и летели к юрте Домны, словно просили защиты. Гарью потянуло, сучья затрещали, дым повалил. Это Анямов тайгу поджег со злости. Вскоре из леса выехал и сам Петр. Бледный, испуганный, понял, что неладное натворил. А звери хода ему не дают: зубы скалят, рога наставляют, когти нацелива-

ют — вот-вот разорвут. Он — в юрту. Знает, что любят Домну звери, здесь и ему спасение будет.

Посмотрела на него Домна злыми глазами, да как крикнет своим властным голосом:

— Звери и птицы! Летите, бегите сюда!

И Анямов бессильным вдруг стал, ползает, встать не может. Кричит только в страхе:

— Спасите тайгу! Уберегите ее от огня!

А кругом такое пожарище, что сказать страшно, не только видеть. Подумать только: ведь первая пороша прошла, а тайга горит таким пламенем! Домна и говорит Анямову:

— Иди теперь да проси у зверей пощады. Простят — жить тебе, нет — заслужил, значит, сам себе кару!

Знает Петр: несдобровать ему. Потянулся он к луку, хотел зас-

тавить Домну под страхом смерти просить за него пощады у зверей. В это время в юрту вбежал Игнат. Как увидел он, что Петр в Домну целится, так и бросился на него, да было уж поздно. Пронзила стрела Домну насквозь.

Схватил Игнат Петра и выбросил из юрты на растерзание зверям, а сам к Домне. Подхватил ее да скорее с ней из юрты выбежал. Раскинулись руки у Домны в разные стороны, и поднялись слева и справа от них кедровые могучие, встали сплошной стеной, зашумели, замахали ветвями огромными: не пускают дальше в тайгу пламя-пожарище. Злитесь злая пламя, трещат сучья, летят искры во все стороны. Но стоят на страже кедровые могучие, и зверь спасается в тайге, защищенной высокими кедровыми...

С тех пор прошло много лет, а кедровые по-прежнему стоят на том

месте, такие большие, стройные да густые, что вершины их переплелись ветвями. Темно под ними, даже солнечные лучи не просвечивают; дождь пройдет, а в кедровнике сухо; буря поднимется, а там человек как в убежище. А уж зверю — раздолье, и говорить не приходится. Но оттого, что там кедры сильно шумят да солнышко редко показывается, не очень любят туда ходить охотники, но уж если пойдут, то без удачи не возвращаются. Места эти, однако, и по сей день страшными кедровниками называют.

Оглавление

К читателю!	3
Трусливое сердце	8
Спасибо тебе, сали!	16
Пяташное озеро	24
Куда летала гагара	34
Огонь-камень	46
Танья-богатырь	54
Сенькин пай	68
Дочери Отортена	82
Еганское огнище	94
Железные сосны	108
Гнев тайги	120
Страшные кедровники	134

**АНИСИМКОВА
Маргарита Кузьминична**

**ГНЕВ ТАЙГИ
Мансийские сказы**

Книга издана по заказу
Нижевартовского межрайонного
комитета по охране окружающей среды
(председатель — Н.Я. Крупинин)

В книге использованы фотографии
А.Н. СИДАША.

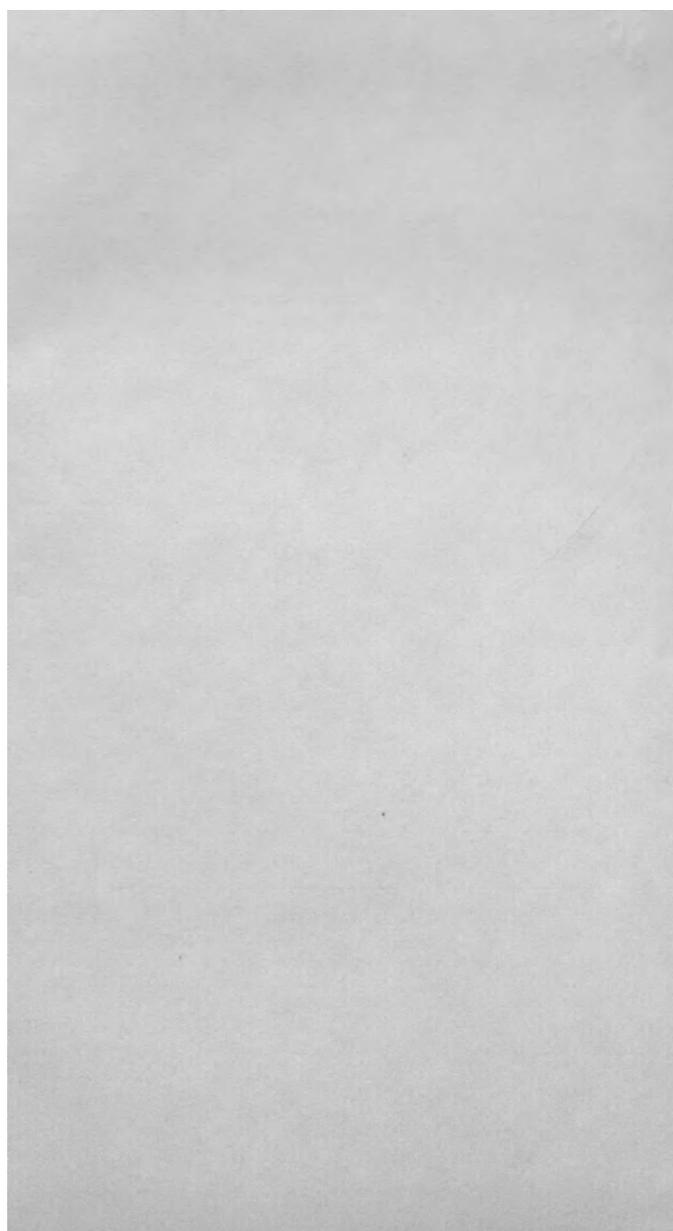
Художник А. Кухтерин
Корректор М. Кремлева

Сдано в набор 25.03.99 г.
Подписано в печать 19.04.99 г.
Формат 75х90/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 4,53. Усл.-печ. л. 5,62+вкл.0,31.
Тираж 1000 экз. Заказ № 84.

Предприниматель Мандрика Ю.Л.
Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625003, г.Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУИПП
«Уральский рабочий».
620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.

80 =

БІС НИЗНЕВАРТОВІК

✽0941811060✽

